

Хроники Манипулятора

Лицо Искажения

16+

Джон Раттлер

Джон Раттлер

**Хроники Манипулятора.
Лицо Искращения**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Раттлер Д.

Хроники Манипулятора. Лицо Искращения / Д. Раттлер —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Продолжение истории Манипулятора. Джонни Гиффет никогда не остановится – у него теперь есть деньги и власть, но это не означает, что Совершенный ушел на покой. В этот раз ему придется столкнуться с тайной, уходящей в далекое прошлое, тайной, которую охраняют, которая смертельно опасна. Кто еще сможет разрушить жестокую и таинственную организацию, протянувшую свои щупальца во все уголки мира? Конечно, только Джонни Гиффет - человек, которому невозможно отказать.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Глава

I

Светлое Царство

Шел мелкий противный дождь. Открытые туфельки насквозь промокли, ноги пощипывало от влаги и порывов ветра. Линда шла прямо по лужам, не видя ничего вокруг. Мэйсон уже здесь. Она чуть не наткнулась на него в кафе на станции, просто чудо, что они разминулись. Автобус дальше не шел, и ей пришлось сойти в этом маленьком городке посреди полей Огайо. Кажется, остановка называлась Модок. Или Мэдлок? У неё совсем не осталось наличных, она сумела стянуть из корзины подношений всего тридцать пять долларов. Едва хватит, чтобы перекусить. Линда не знала, куда идёт. Сейчас главным было убраться подальше от Мэйсона. Она убрала с лица прилипшие мокрые волосы и оглянулась. В начале улицы показалась знакомая широкоплечая фигура. Девушка прижалась к шершавому каменному забору и стала лихорадочно осматриваться. Ограда заканчивалась в паре десятков метров. Собрав остатки мужества, втянула голову в плечи и мелкими шажками засемила вперёд. Она должна успеть, он ещё достаточно далеко, чтобы её заметить. Завернув за угол, Линда оказалась в коротком тупике, заставленном мусорными контейнерами. Словно бездомная кошка, она метнулась в просвет между железными баками и забилась в самый угол, прижав колени к подбородку. Зрачки девушки расширились от ужаса, а сердце, казалось, стучало так громко, что её просто невозможно было не заметить. От страха все её чувства обострились, и она услышала его уверенные шаги так отчетливо, словно они находились в пустом кафедральном соборе. Линда зажмурилась и изо всех сил сжала кулаки.

Мэйсон остановился напротив тупика. Её сердце глухо стучало, ей казалось, что крышка бака вибрирует в такт пульсу. Она дернулась и чуть не закричала, услышав его хрипловатый голос.

– Простите, сэр. Вы не видели девушку? Лет двадцать пять, светловолосая такая, миниатюрная, в юбке и короткой бежевой куртке. Мы немного повздорили, а она так легко одета. Да и наш автобус скоро отправляется.

– О, да. Кажется, я её видел. Думаю, она направилась в сторону лодочной станции. Там есть кафе, попробуйте поискать её там.

– Благодарю за помощь.

Она услышала, как он прошел по луже, уверенно топая армейскими ботинками. Сердце все еще бешено колотилось, она открыла глаза и посмотрела на свои кулаки, которые уже начали неметь. Линда с трудом заставила себя разжать ладони. Она сосчитала до тридцати и осторожно начала подниматься.

– Подождите. Он ещё не ушёл.

Тот же голос. Он странно успокаивал, словно это был голос её отца, когда он читал ей сказки перед сном. От него её пульс немного замедлился, дыхание стало выравниваться.

– Все в порядке, можете выходить.

Беглянка неуверенно выглянула из-за бака, но никого не увидела. Она осторожно пошла вперёд. Выйдя из тупика, девушка обнаружила мужчину с зонтиком, который стоял, прислонившись к кирпичной стене дома, возле которого она пряталась. Он был одет в светлые брюки и рубашку, и выглядел в этом наряде довольно неуместно.

– Позвольте вас проводить.

Он подал ей локоть, и она уцепилась за него, словно это был спасательный круг.

– Не волнуйтесь, Линда, теперь вам ничего не угрожает.

Каротти проснулся от крика.

«О, господи. Почему дети так противно орут?»

Он поднялся, пытаясь разлепить веки, и стал шарить по стене в поисках выключателя. Луиза его опередила. Впрочем, как обычно.

– Лежи, дорогой. Я покормлю.

Каталине было уже шесть месяцев, но он так и не привык к этим бесконечным побудкам. Том с облегчением вздохнул и упал обратно на подушку. Оборванный сон снова начал укутывать его своим тёплым покрывалом. Ему стало сниться, как он спит. Спокойно и безмятежно, всю ночь. Так приятно.

Каталина снова зазвонила. Странно. Раньше она просто кричала. Это, наверное, влияние прогресса. Она звонила и звонила, а у него не было сил подняться. Придётся встать. Может, он хоть в этот раз обгонит жену. Он почувствовал, что его пихают в бок.

– Дорогой, ты не хочешь ответить? Я не могу все делать одновременно.

Томас открыл глаза.

– Какого черта? Если это Гиффет, я его просто прибую. Алло!?

– Том, привет. Я тебя разбудил?

– Нет, что ты. Конечно, разбудил!

– Извини. Я думал, раз у тебя горит свет, значит, вы не спите.

– А я думал, если сейчас полчетвёртого утра, значит, у меня есть право на отдых. Чего тебе нужно, черт бы тебя побрал?

– Стюарт пропал.

Каротти сразу проснулся. Родни уже двенадцать дней работал под прикрытием по просьбе их общего друга Марии Нельсон, которая не могла начать официального расследования по делу новой религиозной секты в штате Огайо. Она направила к ним своего агента, чтобы установить причину исчезновения нескольких сектантов, но тот вернулся через несколько дней, доложил, что не видит состава преступления и подал в отставку. Она бы не стала превышать полномочий, если бы после этого он не пропал, чтобы через три недели появиться в числе последователей культа, называющих себя детьми «Светлого Царства».

Гиффет тогда как раз улетел к Джозефу, их каменному другу, на его родную планету Мать; он делал это каждые три месяца в ожидании его разделения. Родни Стюарт, у которого сложились довольно необычные отношения с Нельсон, вызвался провести независимое расследование. Ежедневно он звонил Марии с докладом, но пока не выявил никаких подозрительных моментов. Ему удалось обнаружить агента Митча Симмонса, который вместе со всеми сектантами распевал псалмы и был вполне счастлив. И вчера капитан впервые не вышел на связь. Гиффет прилетел два дня назад и привёз Джозефа, который, наконец, разделился на две идентичные копии, одна из которых осталась на Матери. Первое, что спросил каменный богомол, когда вышел из кло́гнона – «Почему капитан Стюарт больше не хочет быть?». Он всегда выражался весьма туманно, и на его реплику никто не обратил должного внимания.

– Томас, Мария Нельсон утверждает, что последний раз он с ней связывался позавчера, незадолго до моего прибытия. Он не сообщил ничего необычного.

– Если Стюарт должен был позвонить и не позвонил, значит, у него большие проблемы. Что будем делать?

– Я отправляюсь туда, как только рассветет.

– А я еду с тобой. И даже не начинай.

– Не начинаю. Собирайся, у нас не так много времени.

Они шли вдоль мокрого кирпичного забора. Улочка выходила на задворки. Мужчина заботливо укрывал её от дождя зонтиком и молчал. Она никогда не думала, что можно молчать так... умиротворяюще. В душе Линды крепла уверенность. Они прошли через пустырь и спустились по склону на проселочную дорогу. На обочине стоял одинокий кроссовер, сильно

забрызганный грязью. За рулем сидел темноволосый мужчина и пил кофе из бумажного стакана. Её спутник помахал рукой.

– Эй, Том! Надеюсь, ты подумал не только о себе?

Водитель оглянулся, бросил взгляд на девушку и торопливо вышел из машины. Он открыл заднюю дверцу и галантно поклонился. Мистер белые брюки помог ей сесть, закрыл дверь и забрался на переднее пассажирское сиденье.

– Возьмите кофе. Вам нужно согреться.

Она взяла кружку. Несколько глотков горячего напитка здорово улучшили самочувствие. Что она тут делает? Молодая девушка в машине с двумя незнакомыми мужчинами? Линда подумала про Мэйсона и пришла к выводу, что это все же лучше, чем возвращение во Врата.

– Линда. Вам ничего не угрожает – снова повторил голубоглазый. Она собралась с духом и спросила:

– Кто вы? Откуда вы знаете моё имя?

– Меня зовут Джонни Гиффет, а это мой компаньон Том Каротти. Мы ищем нашего друга, мистера Родни Стюарта. И я очень рад, что нам удалось вас выручить.

– Вы знаете про Светлое Царство? Я встречала во Вратах вашего товарища, он прибыл недавно.

– Мы знаем, что там творится чертовщина. И ещё мне известно, что за вами охотится этот псих по имени Мэйсон. Вы от них сбежали.

Девушка кивнула и расплакалась. Гиффет извлек из кармана платок и протянул ей. Они молча пили кофе и смотрели на капли, стекающие по лобовому стеклу. Она в безопасности. Господи, неужели она в безопасности!

В десять часов утра у компаньонов уже имелась машина. Оставив челнок в укрытии, они первым делом арендовали внедорожник с хорошим просветом, поскольку местные дороги доверия не внушали. Джонни вдоль и поперёк облетел на бреющем полёте всю деревню сектантов, но не смог почувствовать присутствия капитана. Тогда они высадились в ближайшем городке, в паре десятков миль от общины, и взяли напрокат машину у владельца бензозаправки. Джонни не успел позавтракать, поэтому забился на заднее сиденье и пребывал в легком анабиозе, пока его друг крутил баранку. Дождливая погода усиливала его утреннюю сонливость.

– Похоже, мы на месте – Каротти сбросил скорость и остановился возле шлагбаума, установленного на въезде в поселение. Возле него стояла будка дизайнера войны за независимость, в которой с тупым видом дежурил мужчина в просторном сером балахоне. Чуть дальше можно было разглядеть деревянные домики, сделанные из сборных панелей. Над ними возвышался пик крыши высокого здания, увенчанный каким-то символом.

– Простите, это община Светлого Царства?

Привратник важно надулся и сообщил, что они находятся у ворот Врат, которые являются прибежищем детей Светлого Царства. Каротти понимающе покивал.

– Скажи нам, о страж. Мы можем попасть внутрь?

Мужчина надулся еще больше и уже хотел что-то ответить, когда с другой стороны подлетел здоровенный пикап, резко затормозил, едва не задев шлагбаум, и яростно засигналил. Привратник сразу же сдулся и, раболопно сутулясь, замахал руками на Тома, призывая освободить дорогу. Как только Каротти сдал назад, и шлагбаум открылся, пикап рванул в карьер. Томас успел заметить за рулем здоровенного мужика в военном камуфляже, который злобно на него зыркнул.

– Какие тут все одухотворенные!

– Давай за ним. – Том оглянулся и увидел, что его компаньон сидит, полностью распрямившись. Следов утренней вялости как не бывало.

– Давай, только не слишком гони. Никуда он не денется.

Пикап летел как сумасшедший. У них была не самая лучшая машина, поэтому Каротти вцепился в руль и прикладывал максимум усилий, чтобы не вылететь на обочину. К тому же Гиффет изрядно отвлекал его своими комментариями.

– Я его зацепил. Он знает, где Родни. С ним все в порядке. Этот тип хочет догнать девушку... Линда. Она сбежала ночью. Он уверен, что она едет в... Модок. Тут недалеко автобусная остановка. Она поедет до конечной. Он тут вроде специалиста по безопасности. Выполняет распоряжения Грегора. Грегор, похоже, главный. Громилу зовут Генри Мэйсон.

– Если мы знаем, куда он едет, может, перестанем пытаться разбить эту колыхагу?

– Да, можешь немного его отпустить. Но сильно не расслабляйся.

Джонни хотел повлиять на водителя пикапа, чтобы он сбросил скорость, но тот уже был слишком далеко. Манипулятору долетали только обрывки самых ярких его мыслей. Они продолжили маршрут и поехали более спокойно.

Через тридцать минут друзья добрались до городка. Автобусная стоянка находилась прямо на дороге, её сложно было не заметить. Знакомый пикап стоял возле закусочной, водителя внутри не было. Гиффет вышел из машины.

– Я пока осмотрюсь. Будем на связи.

Каротти кивнул и поставил машину рядом с будкой кофейного автомата.

Джонни не спеша перешел улицу и заглянул в кафе. Громила сидел за стойкой и беседовал с официантом. Гиффет открыл дверь и уже собрался возвращаться к машине, когда испытал знакомое ощущение: рядом с ним находился Светлый. Он развернулся и увидел девушку, которая в этот момент торопливо выходила из дверей с противоположной стороны закусочной. Он покосился на Мэйсона. Тот как раз пытался описать её официанту – его мысли были как на ладони. Джонни вышел и поспешил по параллельной улице за незнакомкой. Он почувствовал, как она остановилась, раздумывая, куда идти дальше. Гиффет тоже остановился и стал разглядывать открытую витрину со всяким барахлом. Купив зонтик за десять баксов, он прошёл немного вперёд, завернул за угол и, дойдя до перекрёстка, стал ждать.

Она торопливо забежала в тупик и спряталась за мусорными баками. Джонни выглянул из-за угла, увидел её преследователя. Перейдя дорогу, он прислонился к стене и нащупал сознание Тома. Его компаньон уже давно привык к таким контактам и без усилий понял все, что нужно было сделать. Через минуту все было кончено. Мэйсон топал на лодочную станцию, чтобы купить билет на ближайшую баржу: он был уверен, что девушка прячется в трюме и теперь-то никуда от него не денется, а Джонни с беглянкой направлялся в другую сторону, к машине, в которой его ждал Каротти.

Они втроём катили в сторону безымянного городка, в котором арендовали автомобиль. Девушку все еще лихорадило, и Гиффет не лез к ней с расспросами. Вместо этого он наблюдал за ходом её мыслей, постепенно проясняя для себя сложившуюся ситуацию. Когда они приехали, он уже знал практически все, что ей было известно. Джонни решил нарушить молчание.

– Линда, вы же понимаете, что мы с вами в одной лодке?

Она посмотрела на него одновременно с надеждой и сомнением.

– Моя мама осталась во Вратах. Я должна её оттуда вытащить, но как? Вы просто не представляете, что это за место!

Томас обернулся и покачал головой.

– Я уверен, что он уже очень многое представляет. Но мы бы хотели услышать это от вас. – И Каротти многозначительно посмотрел на компаньона. Тот согласно покивал.

– Расскажите нам о себе.

Линда нахмурилась. Ей очень хотелось довериться этим двоим: с виду они были хорошими парнями.

– Я вас совсем не знаю...

Джонни не хотел давить на неё, она была Светлой. Он понимал, что теперь их судьбы связаны. Начинать с грубой манипуляции было неправильно. Он посмотрел на Каротти, Томас кивнул.

– Наша история вам покажется совершенно неправдоподобной, а нам не хотелось бы вас обманывать.

Она усмехнулась.

– Во Вратах я видела такое, что меня будет довольно сложно удивить.

Джонни протянул ей планшетный компьютер.

– Мы занимаемся разработкой новых технологий. КарГи Констракшн – Каротти и Гиффет.

Она полистала страницы официального сайта.

– Я про вас слышала. Линда с сомнением посмотрела на засаленное сиденье кроссовера. Джонни улыбнулся.

– Мы его взяли у хозяина вон той бензозаправки. А сюда прилетели на летающей тарелке. Она стоит в кустах у дороги.

Поворот был настолько неожиданным, что девушка рассмеялась. Смех у неё был звонкий и мелодичный. Она подумала, что зря сомневается. Они хорошие люди. Линда вздохнула и начала рассказывать.

Отец у неё был пожарным. Он часто ей снился, и это были хорошие сны. Она вспоминала его сказки, которых он знал наизусть великое множество. Он приходил, иногда пропахнув гарью, и долго мылся в душе, басом распевая всякие песни. Мама его просто обожала. Он всегда был большой и сильный, и они жили спокойно, зная, что папа может справиться с любой задачей. Они часто отправлялись путешествовать втроём на машине, и каждый раз он привозил их в удивительные места, и рассказывал про них такие подробности, словно там вырос. Мама смеялась и говорила что он страшный враль, а Линде было все равно. Какая разница, главное, чтобы было интересно.

А потом его не стало. Ей тогда исполнилось восемнадцать. Они тушили большой склад с пластиковой посудой, и крыша под ними провалилась. Тогда погибло четверо пожарных, весь расчёт. Когда мама вернулась с опозданием, Линда обняла её, но та была, словно кусок дерева. Она просидела неподвижно несколько дней, пустыми глазами глядя в окно, а потом соседка отвела её в церковь. Оттуда мать вернулась со странным блеском в глазах, и с тех пор стала страшно религиозной. Сначала вдова посещала все службы в местном храме, потом принялась скупать книги различных учений. Линда старалась её поддерживать, но мама все больше отдалялась от нее. Им стало трудно общаться, интересы матери сводились к пространным рассуждениям о бренности бытия и размышлениям о загробной жизни.

В свой последний приезд девушка узнала, что мама продает дом и перебирается в новую общину. Ей не удалось отговорить её, но мать, по крайней мере, обещала встречаться с ней пару раз в месяц.

В общине ей сразу не понравилось. Линда пыталась понять, что не так, но не могла привести никаких аргументов. Жители выглядели на удивление довольными, если не считать фанатизма во взглядах. И все же её не покидало тревожное ощущение – ей казалось, что все тут словно сговорились. Она до этого ни разу не бывала в таких местах и решила списать все на религиозный пыл – такой же, как у Сары, её матери. Они встречались с ней в домике свиданий,

который стоял в стороне от поселения. Во второй приезд она столкнулась с Грегором. У него не было никаких знаков отличия, но было понятно, что он не просто еще один прихожанин. Мать бросала на него взгляды полные обожания, и она не являлась исключением.

Духовный лидер был мелким. Линда привыкла сравнивать всех мужчин со своим отцом, а ему трудно было составить конкуренцию во всех отношениях. Но этот был действительно мелкий. Весь скрюченный, сухопарый, с маленьким подбородком и цепким взглядом. Но когда он говорил, все менялось. Плечи расправлялись, звонкий уверенный голос заполнял все пространство, и речи его были полны загадочности.

Когда он её увидел, то подошёл и начал говорить, даже не взглянув на маму, хотя Сара смотрела на него с преданностью собаки.

– Приветствую тебя, дитя, во Вратах! Твоя мать много говорит о тебе. Я вижу в тебе больше, чем остальные. Наши дороги не случайно пересеклись, это часть Пути.

Линда смотрела в его глаза и ничего не чувствовала. Только неприязнь.

– Ты слышишь и не слышишь меня одновременно. Редкий дар, редкая возможность! Ты станешь частью Искажения.

К счастью, она уже собиралась, и, воспользовавшись поводом, ушла, сославшись на то, что ей пора на автобус, который приезжал всего три раза в день. Нестор ей настолько не понравился, что она решила следующий раз встретиться с мамой за территорией поселения. Она пропустила очередную встречу из-за дел на работе и очень удивилась, когда мать сама ей позвонила. Уже давно от неё не исходило никакой инициативы.

Они договорились встретиться на автобусной остановке. Когда девушка приехала, Сара уже ждала её. Мать словно подменили: она улыбалась, расспрашивала о работе, вся суежилась и даже пару раз обняла её. Линда тогда не поняла, что происходит и, когда мать попросила дочь послушать службу, она согласилась, чтобы не огорчать её отказом. Они оставили вещи в фанерном домике, где жила Сара и ещё одна женщина, и отправились в большое здание с ост-роконечной крышей. Там уже было довольно много народу. Линда села рядом с мамой в третьем ряду от кафедры и постаралась не привлекать к себе внимания. Сара принялась ей что-то рассказывать об учении, но девушка слушала вполуха – она уже давно научилась не вникать в метафизические подробности материнских монологов. Народу становилось все больше. Наконец, вперед вышел Грегор и начал вещать. Линде его речи не показались проникновенными, зато все остальные сидели, раскрыв рты. Примерно к середине службы некоторые стали раскачиваться взад-вперёд и что-то бормотать. Ничего особенного он не говорил: его проповедь изобиловала отсылками к теме бренности бытия и неспособности повлиять на предопределенность. Однако, остальные так не считали. Вот и мама присоединилась к хору бормочущих. Она сидела, вытаращив глаза, качаясь и завывая через нос. Потом проповедник выдохся, осенил собравшихся загадочными пассами рук и все медленно стали расходиться. Линда мечтала поскорее оттуда убраться – ей казалось, что во время проповеди воздух в помещении словно загустел, от чего ей в голову стали лезть странные мысли: подробности того пожара, газетные вырезки, связанные с гибелью отца, которые мать зачем-то собирала. Раньше она никогда не копалась в этом, у неё было полно других, прекрасных воспоминаний. Отец не раз говорил, что в его работе много риска, но это – риск благородный, не бессмысленный, и он шёл на него добровольно. От этого ей было не менее больно, но и винить судьбу или других в его гибели тоже было неправильно, ведь это был его выбор, его жизнь. Она хотела быстрее выбраться на улицу, чтобы почувствовать на лице дуновение ветра, но её заметил Грегор. Он подошёл и стал говорить что-то, называл её избранной и сулил ей большую роль в будущем. Она еле от него сбежала.

Когда они вернулись в домик, оказалось, что все её вещи пропали.

Соседка Сары отнеслась к этому совершенно равнодушно. Мать потащила дочку обратно к проповеднику. Грегор сказал, что непременно во всем разберётся, и предложил ей погостить у них, пока пропажа не обнаружится, уверяя, что это какое-то недоразумение. Линда согласилась. Это был неплохой повод побыть с мамой и попытаться уговорить её вернуться в реальность. Но недоразумения только начинались.

Утром её вещи все ещё не были найдены, а девушка стала замечать, что за ней все время кто-нибудь ходит. Ощущение беспокойства все усиливалось, мама утром ушла и куда-то пропала. На вопрос, где Сара, прихожане отвечали всякую чушь в духе Грегора, поэтому, побродив по посёлку, Линда поела в общей трапезной, вернулась в домик и просидела там до самого вечера. Когда стемнело, пришла мать. Она была такая же странная, суетливая и слишком внимательная. На вопрос дочери про сумку с вещами она ответила, что это все мелочи, и главное, что Линда, наконец, с ней. Уже было поздно, и они легли спать.

На следующий день ничего не изменилось. Сразу после завтрака мать снова пропала, пастора тоже обнаружить не удавалось. Продав до обеда, девушка решила и пошла на остановку. До самой границы поселения её сопровождала незнакомая женщина, одетая в серый балахон, как и все остальные.

Она сидела на скамейке, в надежде уговорить водителя пустить её бесплатно, когда рядом остановился большой пикап. За рулем сидел здоровенный бугай в армейской форме.

– Подбросить вас, мисс?

Она обрадовалась, поблагодарила и села в машину. Водитель резко нажал на газ, развернулся и поехал в обратном направлении.

– Куда вы меня везете?

Он не ответил. Привратник издали увидел автомобиль и поднял шлагбаум, машина заехала в посёлок и остановилась рядом с домиком её матери. Мужчина повернулся и посмотрел на неё, ухмыляясь.

– Выходите, мисс Клейтон.

– Но я хотела уехать!

– Выходите, выходите. Теперь это ваш дом, если вы ещё не поняли.

Компаньоны слушали молча, изредка переглядываясь. Линда вздохнула.

– Они меня не обижали. Каждый раз, когда я пыталась уйти, появлялись послушники. Они лезли прямо под ноги, не давая пройти, уговаривали остаться и все время несли всякий бред про мою особенную роль в будущем. Мне стало казаться, что я схожу с ума. Хуже всего, что мама тоже во все это верит. Она меня любит, она думает, что так для меня лучше, я понимаю, но...

Девушка снова печально вздохнула и задумалась. Гиффет почесал кончик носа.

– А что думаете вы? Это предназначение, что это такое?

Она сердито потрясла головой.

– Какое предназначение? Что во мне такого особенного, я обычный человек! Это все похоже на бред сумасшедшего, и я даже знаю, как его зовут!

– Его зовут Грегор, черт бы его побрал! – буркнул Гифет.

Она продолжала, от возбуждения похлопывая ладонью по подголовнику переднего сиденья: «Я провела там больше двух недель, и уже сама начала верить во всю эту чушь, когда появился ваш друг, Родни. Понимаете, когда вокруг все говорит что синее – это зеленое, начинаешь сомневаться в собственном зрении. Думаю, если бы не он, я бы точно сошла с ума, как остальные. Мы друг друга сразу заметили. Он ловко притворялся, но я, понимаете, я, ну... чувствую людей. И он как-то раз меня спросил в трапезной, когда рядом никого не было: «Мисс, что вы здесь делаете?». И я сразу словно проснулась. А вечером все собрались в этом храме, и

Грегор убил Макса Раковски. Я знаю, это он все сделал, я прямо почувствовала, как он наслаждается!!! Я, я...»

Она не выдержала и расплакалась. Джонни похлопал по карманам, но второго платка не обнаружил. Он растерянно посмотрел на Тома, который только пожал плечами. Линда постепенно успокоилась.

– Простите.

Каротти улыбнулся, порылся в пакете из-под кофе, достал из него несколько бумажных салфеток и протянул ей.

– Вы говорите, было совершено убийство? Это крайне важная информация; если правильно ею распорядиться, то можно прикрыть всю эту лавочку за пару недель.

Линда пожалала плечами.

– Все не так... не так просто, понимаете? Это было, как... я не знаю. Они все поют, гудят, бормочут, словно в экстазе. У меня от этого только голова начинает раскалываться, и лезут мерзкие мысли. А потом он говорит: «Кто из вас готов войти в Светлое Царство?». И показывает на кого-нибудь. Один раз он показал на женщину – я не знаю, как ее зовут. Она вышла, поднялась к нему наверх, все стали громко гудеть, и она заснула, прямо стоя. И упала, ее унесли Чистые братья. Я пару дней ее не видела, а потом она снова появилась, и ее тоже сделали Чистой.

– Чистой? – Томас поглядел на Гиффета, но тот внимательно наблюдал за Линдой и не собирался ничего комментировать. Она кивнула.

– Чистые ходят в белых одеждах, живут отдельно в большом каменном доме. Я не знаю, в чем там разница, даже думать об этом не хочу.

– Но вы сказали, что было убийство?

– Да. Второй раз, когда Грегор позвал в Царство, он показал на Макса Раковски. Они там были вместе с женой. Мама рассказала, что у них умер ребенок: упал с лестницы и сломал шею. Вот они и подались с горя в общину. Грегор на него показал, и Макс вышел. Они все гудели, раскачивались, и я думала, что он тоже заснёт, но он не заснул. Он умер! А Грегор кричал, чтобы все возрадовались, что их брат ушёл в Светлое, мать их, Царство! Господи... Вы понимаете, он в этот момент словно ел кремовое пирожное. Я почувствовала, я уверена, я на сто процентов уверена, он радовался именно его смерти, все остальное просто ширма, красивая упаковка! Но для полиции это ничего не значит...

Каротти кивнул, соглашаясь.

– А тело? Куда они дели тело?

– У них там своё кладбище. У общины хорошая политическая защита, у них свои законы и порядки. Чтобы извлечь гроб, понадобится куча разрешений.

– Значит, причину смерти мы не установим.

Джонни положил руку на плечо друга.

– Подожди. Дай ей закончить. Линда, мы вас слушаем.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, кивнула и продолжила.

Ей хватило ума не показывать свои настоящие чувства. Она смотрела на Родни и чувствовала, что он от происходящего в таком же ужасе, но так же хорошо она видела, что он умело скрывает все это под маской одурманенного религиозным пылом фанатика. Линда не могла сыграть так же реалистично, но ей удалось, по крайней мере, сохранить равнодушное выражение лица. Мать дергала ее за рукава и лепетала о прекрасных садах и остальных благах светлого царства, куда только что отправился бедняга Раковски. Девушка поняла, что задыхается от страха. К счастью, все это скоро закончилось, и она оказалась на свежем воздухе.

На ужин Линда не пошла, забившись в домик, где они ютились вдвоём с мамой, и попыталась успокоиться. Потом пришла мать. Сара была в прекрасном настроении и всё обсуждала

чудесные события этого вечера. Когда она, наконец, заснула, Линда вздохнула с облегчением. Она сидела на кровати, завернувшись в одеяло, поджав колени к подбородку, и тихонько раскачивалась. Ее постепенно одолевал сон, и она не сразу услышала стук в дверь. Стучали осторожно, словно зная, что она не спит. Девушка встала, стараясь не шуметь, и выглянула наружу.

У стены неподвижно стоял Стюарт.

– Линда, идите сюда.

Она выскользнула из домика, аккуратно прикрыв дверь. Стюарт завернул за угол, в темноте его совсем не было видно. Она последовала за ним.

– Вам надо бежать, мисс Клейтон.

Она посмотрела на него, пытаясь угадать выражение лица в темноте.

– Бежать? Меня не выпустят!

– Мисс Клейтон, все очень серьезно. Когда будет следующее посвящение, никто не знает, это зависит только от Грегора. Я боюсь, что теперь он вызовет вас.

Девушка замерла от ужаса.

– Откуда вы знаете?!

– Это неважно. Вам необходимо бежать. Не волнуйтесь, я непременно найду вас.

– А вы? Зачем вы остаётесь? Вы не фанатик, я в этом уверена!

– Я должен кое-что выяснить.

Он что-то сунул ей в руку.

– Позвоните по этому номеру после того, как уедете достаточно далеко отсюда. Только сделайте пару пересадок, не выходите на первом маршруте. Позвоните, назовите мое имя, и вам помогут.

Она кивнула и сжала в кулаке клочок бумаги.

– Одевайтесь и идите в домик свиданий. Возьмите деньги из ящика с подношениями и уезжайте на утреннем рейсе. Вы сделаете это?

Линда кивнула. Была полнейшая тьма, но он почувствовал ее жест.

– Хорошо. Не теряйте времени.

И он растворился в темноте.

Она прождала всю ночь, но, когда забрезжил рассвет, и пора было уходить, проснулась Сара. Мама не отходила от нее ни на шаг, момент был упущен, поселение пробудилось, и автобус уехал без неё. Весь день она искала Стюарта, но его нигде не было. Вечером появилась мать и стала уговаривать ее посетить вечернюю службу Грегора. Девушка вспомнила слова Родни, и ее охватил ужас. Она сказала матери, что плохо себя чувствует. Обман удался – от страха ее лицо приобрело болезненно-серый оттенок. Мать не стала дальше ее уговаривать. Со службы она пришла поздно. Линда притворилась, что спит, чтобы избежать очередной порции безумных разговоров. Этой ночью мать спала крепко, так что с рассветом Линда пробралась в домик свиданий и забрала деньги из коробки. Накануне ее опустошили, и в ящике оказалось всего тридцать пять долларов – то, что успели набросать за полдня. Она прошмыгнула мимо спящего привратника и успела на остановку, как раз тогда, когда подошел рейсовый автобус.

Линда грустно улыбнулась и пожала плечами.

– Остальное вам известно. Если бы я не зашла в туалет, Мэйсон поймал бы меня прямо на станции.

Джонни снова почесал кончик носа.

– Та бумажка с номером, она у вас?

– Нет. Я ее выбросила. Но я запомнила номер.

– Том, можно тебя попросить...

Каротти молча протянул ей свой телефон. Девушка набрала номер, и в кармане Гиффета запели Deer Purple.

– Вы можете нам доверять, Линда.

Она согласно кивнула.

– Я знаю.

– Простите, могу я задать вам вопрос?

Томас удивленно посмотрел на друга: он не мог себе представить ситуацию, в которой Гиффету нужно было спрашивать о чем-то собеседника. Мисс Клейтон кивнула.

– Скажите, в поселении есть дети? Просто в своём рассказе вы ни разу о них эээ... не упоминали.

– Нет, детей я не видела. Грегор принимает только взрослых, семьи с детьми не могут жить в общине. Мама что-то об этом говорила, но я не очень поняла. Очередные бессмысленные догматы.

Джонни озадаченно кивнул.

– Это странно... Я могу спросить вас ещё кое-что?

– Да, конечно.

– Линда, нет ли у вас какого-нибудь, скажем так, необычного таланта?

Она рассмеялась.

– Почему вы спрашиваете?

Гиффет посмотрел на неё серьезно.

– Слишком много совпадений. Прошу вас, подумайте. Это может казаться вам совершенно несущественным, но это очень важно.

Она смущенно отвела взгляд.

– Я рисую... людей, которых не знаю. Ну, не совсем рисую. Я могу нарисовать вашего знакомого, а вы его узнаете. А я его даже никогда не встречала. Смешно, правда?

Джонни продолжал смотреть на неё, его голубые глаза, казалось, говорили: «Не бойся, нам можно доверить любую тайну!». Она застенчиво улыбнулась.

– Но это не такие рисунки, как обычно. Вот вчера ночью я нарисовала друга вашего Стюарта, чтобы не заснуть. Но он вышел странный. Я такого не рисовала раньше. Давайте, я вам покажу.

Каротти протянул ей бумажный пакет из-под кофе, другой бумаги в машине не оказалось. В бардачке нашёлся короткий карандаш. Линда положила сложенную упаковку на кресло и начала уверенно рисовать. Перед удивленными друзьями проступал совершенно узнаваемый портрет, с каждым штрихом сходство увеличивалось, обретая глубину и значение. Мисс Клейтон протянула Джонни рисунок.

– Ну как, вы его знаете?

Партнеры переглянулись. Перед ними была абсолютная абстракция из штрихов, окружностей, треугольников и кривых. Каротти восхищенно вздохнул.

– Это же Джозеф!

Джонни кивнул.

– Не просто Джозеф. Это Джозеф, который не согласен. Как вы это увидели? Я затрудняюсь описать словами, что чувствует Джозеф, который не согласен с собеседником.

Она смущенно забрала рисунок.

– Я не знаю. С ним все так странно. Я не могу понять, какого он пола. И сколько ему лет. Вы же его знаете, правда?

Гиффет кивнул.

– Линда, он не человек. И я обещаю вас с ним познакомить, как только мы выберемся из этой передряги.

Человек явно верил в то, что говорил. Это было совершенно понятно. Джонни слушал внимательно, отмечая заученные фразы, которые тот изредка разбавлял собственными мыслями. Последних было совсем немного, и они не представляли никакого интереса. Он так увлекся, что начисто забыл об основной цели своей речи. Гиффет прибыл как меценат, частично разделяющий убеждения наставника Светлого Царства. А этот болтун как раз занимался первичной обработкой новичков и различных сопереживающих, которым по разным причинам деньги жгли карман. С виду могло показаться, что проповедник типичный софист, но Джонни видел его насквозь и знал, что мужчина совершенно искренен и верит в свои слова.

– Истинно говорю вам, только здесь чистая душа может обрести спасение! Все доказательства правоты нашей были нам показаны, и нет среди нас сомневающих. Мы не просим ваших денег, деньги – это не главное. Но они пойдут на благое дело, верьте. Община растет, и ученье наше находит все больше людей, благодаря таким же равнодушным, как вы!

Гиффет скептически наклонил голову. Он имел дело с идеальным фанатиком. Пока тот вещал, Джонни попробовал незаметно подправить его отношение к религии, и с удивлением обнаружил, что у него ничего не выходит. Этот индивид стойко держался за сказку про Врата и путь в райские кущи: даже, когда Гиффет откопал в глубинах его памяти и вытащил на поверхность воспоминания о похожей секте, в которую попал его брат, и которую, в конце концов, власти разогнали, агитатор лишь на мгновение запнулся, но сразу продолжил. Что произошло в этот момент у него в голове, Джонни не понял, но успел заметить, как промелькнуло яркое воспоминание: какое-то собрание, люди в балахонах, ощущение покоя, безопасности и детской радости безответственности. Эта свежая картинка заслонила память о брате, вернув ход мыслей в прежнее русло.

Гиффет решил не тратить больше на него времени.

– Я полностью разделяю ваши взгляды, уважаемый. Однако, мне бы хотелось все же увидеть Врата своими глазами, перед тем как я пожертвую им... сто пятьдесят тысяч.

Человек выпучил глаза и замолчал. Джонни терпеливо ждал, иронично наблюдая за ходом его мыслей. Надо было отдать должное этому типу: его денег он жаждал, но не для себя. Идеальный фанатик.

Наконец, реальность и абстракция в голове послушника образовали стабильную субстанцию, он принял решение и пригласил Гиффета осмотреть поселение. Картонные домишки Джонни не интересовали, он хотел увидеть храм. И тот загадочный каменный дом, где жили Чистые братья.

Они решили, что Томас останется приглядывать за Линдой, и если Гиффет не вернется до темноты, вызовут Марию Нельсон с группой поддержки.

Послушник топал по пыльной дорожке в сторону остроконечной крыши, возвышающейся в центре посёлка. На самом вершине был припилен какой-то символ: две линии, сходящиеся внутри прямоугольника.

– Скажите, мой друг, что обозначает этот священный знак?

Послушник показал на грязную дорожку.

– Это символ Пути. Пути, что ведёт во Врата, за которыми каждый может обрести покой. Он венчает храм, построенный нами для того, чтобы мы молились, и своими молитвами могли объединить наши сердца и помочь друг другу познать истину.

Джонни многозначительно покивал. Они дошли до храма. Он был построен сравнительно недавно и не представлял особого интереса: обычная деревянная церковь. Войдя внутрь, Гиффет с любопытством огляделся, но не смог заметить ничего необычного. Не было у него и дурных ощущений, о которых говорила Линда. Он побродил внутри под непрерывный монолог послушника и вышел на улицу. Прямо перед входом их встретил Грегор. Джонни узнал его сразу, описание мисс Клейтон было очень точным. Преподобный сразу пошёл в атаку.

– Мистер Гуффин, я рад вас приветствовать в нашей общине! Вы уже осмотрели Врата? Джонни сразу же полез к нему в голову. Жадность, азарт, презрение, ощущение превосходства, власти...

Гиффет не справился с эмоциями, и они отразились на его лице. Сопровождавший его послушник даже отшатнулся, а Грегор и бровью не повёл.

– Мне сказали, что вы намерены потратить значительную сумму в пользу общины. Я безгранично рад, что у нас есть сподвижники во всех слоях этого загнивающего общества. Брат Коди ответил на ваши вопросы?

Джонни постарался убрать с лица выражение брезгливости.

– Да, благодарю. Но я бы хотел побольше узнать о структуре вашего сообщества. Кто тут лидер, как организована ваша община, вы понимаете?

– Конечно, сэр. Я понимаю. Никому не хочется впустую транжирить деньги. Но вы можете быть спокойны. Наша община – это не просто временный пшик. Мы знаем истину, и знаем, что она единственная. И мы неизбежно приведем к ней остальных. Я чувствую и понимаю ваше недоверие. Приходите вечером на службу, и вы поймете, что я имею ввиду.

Гиффет следил за мыслями Грегора, но не видел ничего из того, о чем рассказывала Линда. Да, он противный фанатик с комплексом Наполеона, но каждый имеет право на комплексы и веру во что угодно, на этом держится Америка...

Он вежливо принял приглашение и решил немного побродить вокруг, но за ним увязался брат Коди. Джонни выключил его из реальности, проделав ловкий фокус: он внушил послушнику, что его речи бесподобны и полны глубочайшего смысла. В результате чего тот начал вещать с таким жаром, что совершенно не обращал внимания на происходящее вокруг, и просто таскался следом за Гиффетом, изредка подергивая его за рукав и заглядывая в глаза. Джонни бродил по деревне. Он нашел большой старый каменный дом, скрытый в маленькой роще старых платанов, обнесенной заросшей плющом оградой. Ворота оказались на замке, а лезть через забор посреди дня было глупо. В доме Джонни чувствовал присутствие людей, но ощущение было необычным. До него долетали обрывки мыслей и образов – создавалось ощущение, что внутри играют дети. Он уже чувствовал присутствие малышей в посёлке, когда в поисках капитана облетал Врата на кло'когне. Все это было очень странно, Гиффет словно пытался увидеть привидение. Ощущение присутствия было поверхностным; оно то появлялось, то пропадало. Они немного постояли перед оградой, и Джонни уже собрался двигаться дальше, но вместо этого подошел вплотную к воротам. Среди детей он нащупал сознание одного мальчика. Его звали Родди. Гиффет влез к нему в голову.

– Что ты здесь делаешь, Род?

Малыш растерялся, испугавшись голоса из ниоткуда, и заплакал.

– Вспомни, как тебя зовут. Вспомни себя.

Гиффет развернулся и пошел прочь от ворот, возвращаясь в поселок.

Сектанты занимались своими делами, община работала по принципу самообеспечения. Одни возделывали поля, другие занимались благоустройством поселения. Гиффет заглядывал внутрь каждой головы, до которой мог дотянуться, и видел в воспоминаниях поселян подтверждение рассказа Линды. Грегор всех убедил, что она связана с Вратами, что у неё особое предназначение, и что им нужно сделать все возможное, чтобы указать ей путь. Но все, что касалось вечерних проповедей, было как в тумане. Коди продолжал вещать, а Гиффет почувствовал, что голоден. Он направил свои стопы в сторону трапезной, где воздал должное мирским радостям, или, говоря более понятно, хорошенько подкрепился. До вечернего собрания было еще несколько часов, и теперь оставалось только ждать: Джонни надеялся, что во время службы ему удастся разгадать тайну Светлого Братства.

- Почему ты грустишь?
- Ты всегда начинаешь с вопроса.
- Я ребенок, такова моя суть.
- Я грущу, потому что не могу помочь своему другу.
- Почему ты не можешь помочь ему?
- Я не знаю, как это сделать.
- Значит, нужно узнать. Что тебе мешает?
- Хороший вопрос. Если бы я знал, что мне мешает, то уже нашел бы ответ.
- Так не бывает. Мы всегда видим препятствие. Мы не видим только того, что оно скрывает.
- В таком случае, мне мешает время.
- Как может помешать время?
- Оно мешает мне вернуться в прошлое и поступить иначе.
- Почему?
- Ты ребенок. Ты еще не понимаешь сути времени.
- А ты понимаешь?
- Я... Ты меня поймала.
- Почему ты считаешь, что не можешь вернуться?
- Я не знаю. Никто не может вернуться в прошлое.
- Но ведь ты можешь двигаться в будущее. Что тебе мешает двигаться в обратную сторону?
- Время. Время течет только вперед.
- Ты ошибаешься. Я поняла. Вы все так думаете. Вы думаете, что время – это река, и она несет вас.
- И ты с этим не согласна?
- Я не могу быть согласна или не согласна. Я просто знаю, что это не так.

Жители общины собирались на вечернюю молитву. Джонни постарался слиться с толпой, он вместе со всеми вошел в храм и уселся в четвертом ряду слева от кафедры. Толпа шумела, но постепенно разговоры стали умолкать, и тогда на трибуну вышел Грегор. Он воздел руки кверху, и сразу же наступила полная тишина.

– Приветствую вас! – голос его был сочный и приятный.

– Каждый день я жду этой возможности – поприветствовать вас в нашем общем доме! Давайте же поблагодарим судьбу за такую милость!

И он принялся читать молитву, в которой прославлялась покорность, трудолюбие, терпимость и покаяние. Прихожане хором повторяли, а Джонни сразу же заскучал. Грегор прекратил бубнить и продолжил.

– Но нет большей радости, чем возможность видеть новые лица в этой комнате! Наша вера растет, и скоро нам понадобится новый храм, который сможет вместить всех братьев и сестер!

Толпа радостно загудела, и проповедник снова воздел руки.

– Сегодня мы снова дадим шанс одному из нас обрести мудрость. А может быть, нам повезет, и наша молитва откроет Врата тому, кто готов и достоин!

Снова раздался одобрителный гул.

– Вы готовы, братья?

Паства заволновалась в предвкушении. Грегор начал читать молитву: Джонни сразу узнал ее по описанию Линды – она полностью посвящалась смирению и покорности судьбе. В различных словесных конструкциях скрывался один и тот же смысл – все предрешено, ничего не изменить, все, что происходит – только подготовка к путешествию в Светлое Царство. Гиффет поначалу сидел спокойно, слушая мысли и чувства проповедника. Но через десять минут его все это стало сильно раздражать. Он начал задаваться вопросом, как такое количество взрослых людей могут так безвольно опустить руки и плыть по течению, постоянно отыскивая оправдание собственного малодушия? А оправдание стояло перед ними на кафедре и самозабвенно распинаясь о грешных стремлениях к изменениям.

– Мы сеем и пашем, как наши предки. Мы отказались от роскоши и делаем только то, что действительно необходимо. Мы живем в ожидании возможности. Потому, что мы знаем – Врата откроются тем, кто будет готов!

Джонни изучал голову Грегора, но не видел в ней ничего необычного. Оратор пребывал в состоянии эйфории, получая колоссальное удовольствие от проповеди. Гиффет не чувствовал фанатизма в его мыслях, но это было скорее нормально, даже немного успокаивало. Грегор – обычный пройдоха, который пытается нажиться на малодушии простаков. Джонни начал поглядывать по сторонам, высматривая, как бы незаметно выбраться наружу, как вдруг началось то, о чем говорила мисс Клейтон.

Обстановка в храме незаметно изменилась. Сначала один, затем второй, третий прихожанин начали издавать гудящий звук. Постепенно все помещение наполнилось монотонным, давящим на уши гудением. Люди стали раскачиваться в разные стороны. Джонни почувствовал изменения и на другом уровне: своим особенным чувством он ощутил, как потоки энергии чи'а все больше замедляются, практически прекращая свое движение. Казалось, воздух в храме стал гуще. Сам он не испытывал дискомфорта: его собственная чи'а оставалась без изменений. Джонни проник в мысли женщины, сидящей рядом. Она раскачивалась и издавала носом гудящие звуки так же, как и остальные. В голове у нее не было никаких мыслей, она просто реагировала на раздражители, словно какой-нибудь червяк, живущий, чтобы есть и размножаться. Гиффет проник глубже.

То, что он там увидел, было просто ужасно. Эта женщина оказалась миссис Раковски, женой того несчастного, который скончался на предыдущем собрании. Мыслей в ее голове не было. Осталось лишь стремление – всепоглощающее желание уйти, перестать быть в этом мире. Ей захотелось присоединиться к потерянным мужу и сыну в новой реальности – той, что существовала за Вратами. Рациональное звено было максимально подавлено: ведь если женщина признается себе, что все это страшный фарс, она окажется виновной в смерти мужа. Джонни было совершенно очевидно, что в таком состоянии миссис Раковски готова сделать все, о чем ее попросит божественный проводник Грегор. Джонни снова пригляделся к нему. Новоявленный пророк продолжал свою речь, причем делал это, не особенно переживая за критику: он уже третий раз читал по кругу один и тот же текст. Гиффет не видел никаких признаков готовящегося злодеяния, проповедник находился в состоянии, не сильно отличающимся от транса, в котором пребывала миссис Раковски.

Он бы не беспокоился из-за этого, но то, что происходило с чи'а, было совершенно ненормально. Энергия жизни почти достигла состояния энтропии, из-за чего в воздухе повисло ощущение страшной безысходности. Джонни вспомнил состояние межзвездного прыжка, но это было совершенно другое чувство, не похожее на страх приближающейся потери личности.

Это была неизбежность. Он почувствовал себя камнем, куском холодной скалы, летящим сквозь черноту открытого космоса, не способным изменить траекторию или уйти от столкновения с другим астероидом. Чи'а всегда пребывала в движении. И только здесь, в этой комнате, она не двигалась. Люди гудели все сильнее, Грегор все громче читал нараспев свою про-

поведь. Джонни закрыл глаза. Нужно понять, что происходит. Сейчас. Потом будет поздно. Он открылся своим ощущениям: Гиффет видел каждую мысль, чувствовал всех собравшихся сектантов, наблюдая за волнами безысходности, которые расходились от каждого прихожанина. Они накладывались друг на друга и становились все тяжелее. И вот тут Джонни почувствовал Грегора.

Сила проповедника была едва заметной. Он не был Светлым. Тусклые не стали бы тратить на него свое время. Но он все же немного чувствовал чи'а. На интуитивном уровне.

Однако, Грегор распоряжался своими слабыми способностями более чем эффективно. Духовный лидер стоял в центре созданной им ямы с человеческими страданиями и преобразовывал их в энергию. Он, словно катализатор, пропускал через себя человеческие эмоции, возвращая их обратно многократно усиленными. Но это было не главное. Грегор использовал чи'а каждого, кто находился в трансе, и с их помощью каким-то непостижимым образом полностью останавливал ее течение. Это приводило к усилению ощущения безысходности, которая давала ему силу. Стоя во главе этой цепной реакции, он сумел практически полностью погасить энергию жизни внутри храма.

Гиффет понял, о чем говорила Линда. Любой, кто сейчас выйдет из состояния транса, станет жертвой своих самых разрушительных суицидальных мыслей. Мозг прихожан прятался сам от себя в последней попытке сохранить жизнь. Гиффет чувствовал это у них в головах: они тут, близко к поверхности, затянутые тонким и хрупким слоем льда забвения. Здесь собрались несчастные в стремлении убежать от себя. Потерянные дети, погибшие мужья и жены. Кого-то унесла болезнь, кого-то случайность. Невосполнимые утраты требовали, чтобы их чем-нибудь укрыли, закидали осенними листьями обнаженные кости воспоминаний.

А Грегор вытаскивал их наружу, выставлял на всеобщее обозрение и говорил: “Вы этого не вспомните, пока я не пожелаю. Вам достаточно проснуться, и вы встретитесь с самым страшным из своих кошмаров”. Джонни почувствовал, что внутри вскипает знакомое чувство. Что же он с этим намерен делать? Пока все было лишено смысла, но этот проповедник не из тех, кто делает бессмысленные вещи.

Ждать пришлось недолго.

Пастырь замолчал и указал на мужчину в третьем ряду справа.

– Ты! Ты готов! Приди к Вратам!

Человек перестал раскачиваться, встал и медленно вышел на трибуну.

– Ты готов войти в Светлое Царство?

Мужчина, темноволосый и невысокий, в клетчатой рубашке и джинсах, с небольшим пивным животиком, вяло пробормотал что-то неразборчивое. Грегор воздел руки.

– Тогда войди во Врата!

Он взмахнул руками. Рукава его серого балахона взметнулись и опустились. Джонни буквально увидел, как вокруг мужчины воздух стал сгущаться еще сильнее. Люди в зале гудели и раскачивались; совершенно дикая сцена, похоже, достигала своей кульминации. Бедняга на сцене перестал дышать, его сердце билось все медленнее и медленнее. Гиффет заметил, что и сам не дышит – это привело его в чувство. Он коснулся сознания Грегора и увидел то, чего не хватало картине все это время. Проповедник излучал торжество. Он наслаждался. Он видел, как перед ним погибает человек, и получал от этого удовольствие. Он управлял, казнил и миловал, подчинял и правил. Грегора переполняло ни с чем не сравнимое чувство власти.

Внезапно Джонни с удивлением почувствовал, что в храме появились дети: он ощущал, как они входят в двери, продвигаясь вперед по залу. Времени оглядываться назад у него не было, мужчина в рубашке начал медленно оседать на пол. Гиффет среагировал как тогда, в первый раз оказавшись в кло'когне: он не рассуждал, а просто сделал то, чего требовало его

естество. Джонни ухватился всем своим сознанием за совершенно неподвижную чи'а и крутанул ее изо всех сил. Он уже был разозлен, и результат оказался гораздо большим, чем Гиффет планировал – проповедника швырнуло на пол, а прихожане сразу же начали приходить в себя, словно пробуждаясь от летаргии. Энергия жизни разом пришла в движение, бесследно уничтожив магию Грегора. Но все это Джонни не интересовало – человек на сцене снова дышал, медленно приходя в сознание. Манипулятор довольно усмехнулся.

Пастырь поднялся с пола, и его взгляд уперся прямо в глаза Джонни.

– Среди нас демон! Я ждал тебя, но не так скоро! Схватите его!

И он ткнул дрожащим пальцем прямо в Гиффета. Его призыв не оказал на прихожан никакого действия, они продолжали тупо таращиться друг на друга, все еще приходя в себя после транса. Джонни почувствовал, что сзади к нему приближаются дети. Он оглянулся и обнаружил, что в зале появились люди, одетые в белые балахоны. Видимо, они зашли сюда уже ближе к концу службы. Все они медленно двигались в его сторону. Джонни показалось, что у него двоится в глазах: к нему приближались мужчины и женщины, но внутренним зрением он видел маленьких мальчиков и девочек. Он развернулся к выходу и встретился взглядом со Стюартом, который стоял в двух шагах от него.

– Родни! Я... – Джонни замолчал, наткнувшись на еще одно детское сознание.

Капитан шагнул к нему, рука его метнулась к шее Гиффета, сомкнувшись на ней железными тисками. Большой палец больно надавил на сонную артерию, в глазах манипулятора потемнело, и он отключился.

– Озеро. Ты можешь представить себе озеро?

– Конечно. Озеро Тахо – мое любимое место.

– Тогда представь, что время – это не река, а озеро.

– Но в чем разница?

– В озере нет течения.

– Но если вода – это время, она должна течь!

– Это всего лишь твое мнение.

– Это не только мое... мнение.

– Вы думаете, что время несет нас вперед, но это не так.

– Но время течет, разве нет?

– Время неподвижно. Как и пространство. Подвижны лишь наблюдатели.

– Я не понимаю.

– Для времени объектами являются события.

– Хорошо, допустим.

– Мы движемся от одного события к другому.

– Но во времени мы можем двигаться только вперед!

– Мы можем двигаться куда угодно. Но хотим всегда только вперед. Разве ты когда-нибудь хотел двигаться во времени назад?

– Я не знаю, как ответить. Не могу себе этого даже представить.

– Представь, что ты долго шел по дороге к важной цели, но почти дойдя, повернул назад, чтобы вернуться в начало пути.

– Это бессмысленно.

– Ты говоришь, что хочешь изменить что-то в прошлом. Прошрое в начале пути, разве нет? И чтобы его изменить, тебе придется пойти обратно.

Было совершенно темно. Джонни несколько раз моргнул, но это ничего не изменило. Совершенная темнота. Он пошарил вокруг себя руками: пол был шершавый и рыхлый, пахло паутиной и землёй. Он встал на четвереньки и аккуратно пополз вперёд. Через несколько метров он больно стукнулся обо что-то головой. На ощупь деревянная доска. Гиффет попытался определить, что перед ним, осторожно водя по предмету руками. Ага, похоже, это лестница. Он начал двигаться вокруг предмета. Вот ступени. Тоже деревянные. Он нащупал перила. Вцепившись в них обеими руками, Джонни стал медленно подниматься вверх. Лестница была крутая. Он насчитал двадцать три ступени, когда уперся плечом в препятствие. Рука опустилась вниз и нащупала дверную ручку. Гиффет подергал – дверь не открывалась. Ни малейшего движения: видимо, конструкция была очень старой – так делали раньше, когда ещё не придумали досок из картона. Было такое ощущение, что ручку просто прикрутили к стене. Гиффет нащупал в темноте верхнюю ступеньку и уселся, держась за перила.

Он заметил, что у него болит шея. Джонни осторожно потрогал ее и сморщился. Точно, Родни Стюарт! Он не мог его ни с кем спутать. Ох... У него железные руки.

Гиффет начал вспоминать. Дети! Вокруг были дети, и они не были детьми. Взрослые с разумом ребёнка. И Стюарт. Что с ними сделали? Люди в белых балахонах... Чистые! Линда называла их Чистыми. Те, которые уходили со сцены живыми. Он вспомнил последние мгновения перед тем, как капитан отправил его в объятия морфея. Тот человек на сцене... Мозг услужливо раскрывал все, что Джонни успел почувствовать в последний момент. Мужчина перестал дышать, а его сердце перестало биться. И его сознание, окруженное неподвижной и густой, словно битум чи'а, забилося в самый дальний угол, который только можно было себе представить. Гиффет начал понимать, для чего Грегор устраивал такие собрания. Останавливая движение энергии жизни, он открывал двери всем самым страшным кошмарам, которые прихожане прятали от самих себя за семью замками, глубоко в подсознании. Но это было не главное. Останавливая поток чи'а, он отключал внутренний блок, удерживающий человека от суицида. Естественным противовесом желанию прекратить своё существование и раствориться в небытие является желание жить, а жить – значит познавать и созидать, и чи'а есть и то, и другое.... Останови чи'а – и пропадёт желание жить.

Но останется желание умереть. И тогда происходит одна из двух вещей: человек добровольно умирает или прячется в самом надежном месте, где его не достанет желание саморазрушения – в своём детстве. Ребёнок растёт и развивается, его энергия бьет ключом, он по своей сути сам является энергией жизни. На детей магия Грегора не могла подействовать.

Джонни сжал кулаки. Проповедник оказался тем, кем и выглядел. Нужно было положиться на интуицию. А теперь Гиффет сидит в старом подвале, и вокруг ни души. Только мыши роются под лестницей. Сколько прошло времени? Каротти уже наверняка сходит с ума, только бы не натворил глупостей. Джонни сосредоточился и попытался дотянуться хоть до кого-нибудь. Наверху он слабо почувствовал детей. Как тогда, возле старого особняка в роще платанов... Образы то появлялись, то исчезали, как видения в густом тумане. Он попытался ещё немного, но все было бесполезно, Гиффет словно говорил с призраками. Аккуратно спустившись вниз, он стал терпеливо ощупывать стены, пытаясь представить в темноте, как выглядит его тюрьма. Осмотр занял всего пару минут: подвал был небольшой, сухой и совершенно пустой. А ещё в нем было прохладно. Джонни снова вернулся к лестнице и уселся на нижнюю ступень. Оставалось надеяться, что в конце концов за ним придут.

Светало. С листьев скатывались крупные капли и шлепались Тому на макушку, стекая за шиворот. Они с Линдой сидели в кустах на границе Врат и шепотом ругались. Каротти чув-

ствовал, что постепенно проигрывает: у него промокли ноги, а у девушки был зонтик, который купил Джонни. Ей было довольно просто держать инициативу.

– Томас, я вас не пушу туда. Мистер Гиффет уже пропал, и ваш друг Стюарт. А если они и нас схватят, то я уже так просто не убегу.

– Но вдруг ему требуется наша помощь? Я не могу просто сидеть тут и ждать!

– Вы уже позвонили вашим друзьям. Если они приедут и не найдут тут никого, будет гораздо хуже.

– Не знаю. Я чувствую, его надо выручать!

– Вы даже не знаете, где его могут держать! В деревне все знают друг друга в лицо, вас сразу же заметят!

– Ещё рано. Мы могли бы незаметно обследовать посёлок, пока все спят.

– Прошу вас, Томас. Если вас схватят, я не смогу сбежать отсюда!

– Хорошо, хорошо. – Каротти почувствовал, как холодная струйка стекает между лопатками, – думаю, вы правы. Нам нужно набраться терпения.

Линда вздохнула с облегчением: перспектива снова увидеть Мэйсона вызывала у неё приступ паники. Этот злобный наёмник почему-то пугал ее даже больше, чем Грегор. Только она успела об этом подумать, как заметила знакомый пикап, который круто затормозил возле будки привратника.

– Томас, смотрите! Он видел мистера Гиффета, он может его узнать!

– Это все меняет, Линда! Черт. Что нам делать?

– Давайте попробуем проследить за ним незаметно. Если держаться подальше, он не обратит на нас внимания.

Они начали пробираться вдоль границы поля, стараясь не потерять из виду машину Мэйсона. Если бы их видел сейчас Стюарт, он бы от души посмеялся: вдвоём они производили просто невероятное количество шума. Пикап, наконец, остановился, из него вылез наёмник и размашистым шагом направился вглубь деревни.

Гиффет пытался заснуть, но для этого было слишком холодно. Он не знал, сколько прошло времени, какое сейчас время суток, но чувствовал, что сидит взаперти уже достаточно для того, чтобы Каротти поднял тревогу. Почему Грегор не приходит к нему? Джонни нужно было присутствие любого живого человека, и лучше, чтобы у этого человека имелись ключи от двери в подвал. Этого будет вполне достаточно для того, чтобы вернуть инициативу в свои руки. Какой смысл держать его здесь до бесконечности? Гиффет в темноте почесал кончик носа. Это секта. Они верят, что щуплый мужичонка откроет им двери в рай. О каком смысле он пытается тут рассуждать?

Он услышал, как в двери наверху щелкнул замок. Старые петли закрипели, и в помещение проник луч тусклого света. Джонни, привыкший к абсолютной темноте, невольно зажмурился. По лестнице спускался ребёнок – девочка, совсем маленькая, не старше четырёх лет. Он с трудом разлепил веки: свет резал глаза, но ему удалось рассмотреть посетителя. Это была пожилая женщина в белых одеждах, которые носили Чистые братья. Джонни попробовал перехватить детские желания, изменить их к своей выгоде, но у него ничего не вышло. Ребенок его не видел и не слышал. Малышка играла в саду под раскидистой яблоней и не имела никакого отношения к происходящему. Он даже потряс головой: ситуация вызывала тошноту. Гиффет совершенно не чувствовал взрослой женщины, которую видел перед собой. Словно это был ходячий манекен. В дверном проеме показался мужчина, его Джонни видел как пятилетнего малыша, который был полностью поглощен изучением старой болячки на коленке, результата падения с самоката. Человек не стал спускаться, а просто ждал, когда женщина поставит миску с едой на пол и поднимется вверх. Гиффет почувствовал, что у него от ужаса шевелятся на

голове волосы. Он не может ими манипулировать! Он совершенно беспомощен среди фанатиков, которые безнадежно впали в детство!

Женщина поднялась наверх и заперла за собой дверь. Джонни подобрался к оставленной миске и, едва не опрокинув на земляной пол содержимое, принялся есть. Вкус был вполне сносный, наверное, это были бобы с мясной подливой. Ложки ему не предложили, и он ел руками, проклиная всех фанатиков мира с их наигранным аскетизмом и идиотским стремлением спрятаться от реальности.

Он съел все бобы, облизал пальцы и прислонился к шершавой стене. Может, Грегор догадывается о его способностях? Иначе, почему он не приходит сам? Если ему принесли еду, значит прошло уже много времени. По крайней мере, он им нужен живой. Вот только для чего?

От таких рассуждений Джонни совсем расстроился. Нужно взять себя в руки. Нужно действовать... наверняка есть возможность что-то сделать! Гиффет закрыл глаза и сосредоточился. Энергия жизни по-прежнему текла сквозь него непрерывным потоком. Он зачерпнул ее, наполняя себя силой, и потянулся из подземелья наружу так далеко, как только мог, и чуть дальше. Он увидел старый особняк в роще платанов, увидел подвал, вырытый под правым флигелем, почувствовал обитателей трехэтажного дома. Верхний был не жилой, на первом и втором играли дети – пятнадцать Чистых братьев, это их он чувствовал, пролетая в клоукогне над поселением. Джонни потянулся дальше, в сторону от огороженного каменным забором парка. Он ещё никогда так далеко не протягивал своё шестое чувство: на помощь приходила энергия, которую он вбирал из пространства, тянул ее из земли, из воздуха, создавая невидимые линии, которые вытягивались все дальше. Но все было впустую: Врата спали, прихожане в своих домиках были все еще слишком далеко, и достучаться до дремлющего сознания было сложно, особенно с такого расстояния. И тут, когда его энтузиазм был совсем на исходе, Гиффет почувствовал, как на самой кромке охваченного им периметра появился чистый, не замутненный магией Грегора, разум. Человек был зол, он жаждал действовать. Джонни ухватился за этот единственный шанс, из последних сил напрягая подсознание.

По грязному, размокшему от дождя пустырю топал Мэйсон.

Он был единственным жителем поселения, который не считал Грегора праведником. Генри давно знал этого пройдоху – они вместе провернули несколько удачных дел, но потом он куда-то надолго пропал. Наёмник не слишком расстроился: у Грегора был отвратительный характер, и даже, несмотря на его удивительный талант выворачивать окружающим мозги с выгодой для себя, сотрудничать с ним было неприятно. Когда они познакомились, проповедник занимался облапошиванием простаков в лавке предсказателя. Мэйсон сидел в баре напротив и размышлял о превратностях судьбы, которая никак не хотела подарить ему богатство. Он пил уже пятую стопку виски, когда к нему подошел щуплый мужичок с колючим взглядом и попросил разрешения сесть за его столик. Наёмнику в тот момент было все равно, пить одному или в компании, и он махнул рукой, выражая таким образом согласие и равнодушие одновременно.

Незнакомец оказался очень разговорчивым. Наемнику показалось, что он его уже где-то видел. Мужчина сообщил, что его зовут Грегор, и минут десять болтал о разных тайных знаках, звездных картах и прочих вещах, которые Мэйсон считал чепухой для детей. Допив очередную порцию виски, он так ему и сказал. Звездочета его фраза не отпугнула. Напротив, он еще сильнее заинтересовался собеседником. Он тоже взял себе виски и, отбросив в сторону всю эту чушь с предсказаниями, поинтересовался, не хочет ли Генри заработать. Генри, само собой, хотел. Предложение Грегора было настолько простым, насколько и невероятным. Он утверждал, что сможет загипнотизировать охранника ювелирного магазина, который часто

заглядывал к нему, чтобы тот вынес содержимое сейфа и передал им. Но он не мог придумать, что делать с самим охранником, и для этого ему понадобился наёмник. Мэйсон посмеялся и спросил, с чего тот взял, что он согласится в этом участвовать? А Грегор просто сказал, что не сомневается в своем выборе. Тут Генри и вспомнил, где уже видел собеседника: примерно неделю назад они с приятелем напились и зашли в мистическую лавку. Грегор был облачен в дурацкую хламиду, расшитую всякими непонятными символами, а на голове у него был совершенно идиотский берет. Но это, без сомнения, был он. Наёмник тогда здорово повеселился: его приятель потратил на этого шарлатана почти все свои деньги, несмотря на саркастичные комментарии Мэйсона. Может, у звездочета и вправду есть талант?

Генри согласился. В конце концов, он ничем не рисковал, а вот барыши обещали быть приличными. Через пару дней охранник снова зашёл в лавку и в эту же ночь обчистил своего хозяина. Как только бедняга отошел достаточно далеко от магазина, Мэйсон сильно ударил его по шее, забрал деньги и драгоценности, а затем скрылся. Все было сделано чисто: охранник не мог вспомнить сеанса гипноза, наемника он не видел и объяснить, куда пропало награбленное, тоже не смог.

Им удалось организовать еще пять подобных операций, а затем Грегор исчез. Ни записки, ни звонка. Генри Мэйсон не слишком переживал по этому поводу – у него на руках была приличная сумма денег, с которой он отправился во Флориду. И хотя он старался экономить, через восемь месяцев у него снова наступил финансовый кризис. А через год, когда наёмник торчал в ночной вахте на сухогрузе, проходящем через опасные воды возле Сомали, ему пришло электронное письмо от старого приятеля. Грегор предложил работу, причём постоянную и при этом очень хорошо оплачиваемую. Сойдя на берег, Мэйсон сразу же поехал в Огайо.

Генри шлепал через пустырь и злился. Он семь часов проторчал на барже, перерыл каждый квадратный сантиметр, наконец убедившись, что мисс Клейтон на ней быть не может. Потом ждал полтора часа, пока судно причалит. И после этого ещё кучу времени добирался назад. Мэйсон страшно устал. И с чего вообще он взял, что она будет там?

Наемника совершенно не интересовало, чем занимается Грегор в своей общине. Он прекрасно понимал, откуда поступают деньги, часть которых щедро выплачивал ему проповедник, а об остальном не стоило беспокоиться. На вечерние службы он не ходил – он ненавидел столпотворение, и к тому же, Грегор запретил ему там появляться без необходимости. Генри слышал, что во время проповедей происходят странные вещи, но ведь Грегор как раз этим и занимается... Его дело – гипноз, а Мэйсон должен следить за порядком. И вместо этого он упустил девчонку.

Он наподдал армейским ботинком кусок раскисшей глины. Ошметки разлетелись в стороны, акт бессмысленной агрессии принес легкое удовлетворение. Этот пижон в белых брюках. Он сказал, что видел, как Линда пошла к пристани. Откуда он вообще там взялся? И еще этот дурацкий зонтик.

Мэйсон почувствовал злость. Это точно из-за него. Если бы он мог еще раз встретить этого парня, он бы вытряс из него всю душу. Надо проверить в особняке, наверняка Чистые братья о нем слышали. Да, точно.

Генри повернул в сторону рощи. Как там его зовут, этого новенького? Родни? Надо с ним побеседовать. От Чистых, конечно, толку мало: они только Грегора нормально воспринимают, но кое-чего от них добиться можно. Новенького они вычислили пару дней назад, когда тот звонил в ФБР. Мэйсон только с виду был неотесанным солдафоном: он прекрасно разбирался в системах слежения и безопасности. Если бы не его страсть к выпивке, он бы смог сделать отличную карьеру.

После ритуала посвящения ему не удалось поговорить с агентом, но Грегор сказал, что тот имеет отношение к побегу Линды. А если он имеет к нему отношение, значит, он знает и

про пижона в белом. Почему-то Мэйсон в этом не сомневался. Он, наконец, дошёл до особняка и стал барабанить ногами в дубовую, облупившуюся от времени дверь, заодно стряхивая с ботинок налипшую глину.

Вскоре щелкнул замок, и в проем высунулась женщина с безразличным выражением на лице. Генри поморщился – его немного пугали эти, как их называл Грегор, Чистые.

– Мне нужно поговорить с вашим новеньким, Стюартом. Проводи меня к нему!

Она молча повернулась и пошла по пустынному коридору с высокими потолками. Мэйсон шёл за ней, стараясь не шуметь. Старый особняк наводил на него беспричинный страх. Чистая поднялась по широкой винтовой лестнице с облезлыми гобеленами по стенам на второй этаж. Здесь было много проходных комнат, в которых спали сектанты. Она дошла до самого конца, открыла запертую на ключ дверь последней комнаты и с равнодушным видом шагнула в сторону.

Внутри стояло две железных кровати, на одной из которых спал новенький. Мэйсон подошел и грубо потряс его за плечо.

– Просыпайся, яйцеголовый. Мне нужна кое-какая информация.

Стюарт открыл глаза и сел. Лицо его было лишено всякого выражения, в глазах больше не светились веселые искорки. Он равнодушно посмотрел на Мэйсона.

– Тьфу. Что он такое с вами делает? А, черт. Какая разница! Главное, я при этом не присутствую.

Он похлопал по карманам и достал пачку сигарет. Затянулся, выдохнув прямо в лицо капитану. Выражение лица Родни не изменилось.

– Значит так, болванчик. Грегор говорит, что ты помог Линде с побегом. Что ты на это скажешь?

Стюарт молча смотрел в глаза Мэйсона, никак не реагируя.

– Вот же черт. У вас у всех вместо мозгов вата. Ладно. Когда ты в последний раз встречался с Линдой?

Родни ответил, совершенно равнодушным голосом:

– Два дня назад.

– Так. Зачем ты с ней встречался?

– Чтобы помочь ей сбежать.

– Прекрасно, дружок. Каким был план побега?

– Она уходит утром, забирает деньги из коробки с пожертвованиями, садится на автобус, делает две пересадки, после чего звонит Джонни Гиффету.

– О, замечательно! И кто же этот Гиффет?

– Глава КарГи Констракшн. Мой друг.

– Ага. Как же. Теперь твой друг Грегор, и больше у тебя друзей нет. Правда?

– Да.

Мэйсон покачал головой. Он никак не мог понять, как проповедник добивается такого эффекта. Затянувшись сигаретой, он продолжил.

– Ладно. И где мне найти этого Гиффета?

– Он в подвале под правым флигелем.

Генри удивленно уставился на Стюарта. Тот по-прежнему сидел с совершенно пустыми глазами.

– И что он там делает?

Тут он внезапно подумал, что это не имеет никакого значения. Нужно срочно поговорить с этим Гиффетом. И прихватить с собой Стюарта, так будет проще разбираться. Он позвал женщину, которая стояла рядом со входом и приказал проводить их в подвал.

Каротти крался вдоль хлипкой стены панельного домика. Его ботинки превратились в комки грязи, которая уже набивалась внутрь через верх. Бесподобное ощущение. Мэйсон от них, похоже, удрал. Следом семенила Линда, тихонько поскуливая от страха. Тому казалось, что он слышит сквозь стену, как кто-то храпит. Он высунулся из-за угла, убедился, что за домом никого нет, махнул рукой девушке и побежал, смешно задирая ноги, облепленные коричневой грязью. Преодолев открытое пространство, они прижались к стене следующего строения. Линда схватила Каротти за рукав.

– Слушайте! Нам нужно возвращаться. Мы его давно уже упустили, и скоро все проснутся!

Томас с досадой потер шею.

– Хорошо. Только сначала проверю, что за углом. Может, мы как раз его обнаружим.

Он подкрался к краю стены и наклонился, чтобы выглянуть, но тут его нога, облепленная глиной, соскользнула, и Каротти вывалился из-за угла, едва успев вытянуть руку, чтобы не уткнуться лицом в грязь. Прямо перед своим носом он вдруг увидел здоровенные армейские ботинки. Томас поднял глаза и обнаружил, что из ботинок торчит Генри Мэйсон. Наёмник хмуро посмотрел на него и подал руку.

– Вы тоже пойдёте с нами.

Тут Каротти заметил сначала Стюарта, а затем и своего компаньона, который замыкал шествие. Джонни кивнул, подтверждая приказ наемника, который в этот момент зашёл за угол и заметил Линду. Какое-то мгновение казалось, что Мэйсон выйдет из-под контроля манипулятора, но Гиффет был хорош, это была его сторона поля. Генри страшно обрадовался, увидев мисс Клейтон. Он так долго ее искал! Теперь надо доставить ее к Грегору. Он внезапно вспомнил про деньги. Грегор неплохо ему платит. А этот пижон Гиффет? Стюарт что-то говорил про КарГи Констракшн, это известная фирма.... Говорят, ее хозяева купаются в золоте! Гиффет просил вывести его из поселения, просьба вполне приемлемая, но если он поможет ему освободить мисс Клейтон.... Мэйсон оглянулся и бросил взгляд на Гиффета. Тот кивнул ему с таким уверенным видом, что у наемника не осталось больше никаких сомнений.

– Не волнуйтесь, Линда. Я помогу вам выбраться из общины.

Девушка с открытым ртом наблюдала, как из-за дома вышел сначала Стюарт, затем Гиффет. Каротти так же молча встал, и все двинулись следом за Мэйсоном, который уверенно зашагал по грязи. Ей не оставалось ничего другого, как присоединиться к этой процессии.

Они впятером забрались в пикап, и Генри выехал из общины, нагрубив по пути привратнику. Тот отреагировал спокойно – Мэйсон каждый раз придумывал для него новую характеристику. Вчера он назвал стража в будке призраком оперы, сегодня меднолобым болваном... какая разница?

Машина рванулась с места, разбрызгивая бурую грязь, и понеслась по дороге, стремительно удаляясь от поселения Светлого Царства.

– Я хочу изменить прошлое.

– Ты думаешь об одних изменениях, но не думаешь о других. Чем больше изменений, тем сильнее последствия.

– Если я вернусь и избавлюсь от одного человека, все только выиграют.

– Ты не можешь знать этого. Никто не может знать будущего. Как только ты изменишь прошлое, все последующие события станут будущим. И предсказать их развитие тем сложнее, чем дальше мы двигаемся вперед.

– В таком случае, как мне поступить?

– Исправь то, что нужно, не затрагивая ничего другого.

– Я понял.

– Еще нет. Ты думаешь, что вернешься назад и совершишь действия. Но ты не можешь пронести назад через время ничего. Ты будешь меняться вместе с пропадающими событиями, и твой разум и тело будут меняться, возвращаясь к состоянию, в котором они пребывали. Ты забудешь все, что узнал после момента, в который хочешь попасть.

– Но если я все забуду, получается, что я ничего не смогу изменить! Я пройду вперед тем же путём второй раз!

– Теперь ты понял.

– Я понял.... И что, что мне с этим делать?

– Знание – это сила. Ты не можешь сохранить знание в своих нейронах, но ты можешь услышать свою чи'а.

– ??

– Когда ты вернёшься, твоя чи'а будет помнить.

– Но ведь вся память о будущем пропадет вместе с событиями, которые еще не наступили?!

– Все изменится, кроме чи'а. Все меняется. Только чи'а вечна.

Когда приехал Чептон, Мария совершенно не удивилась. Напротив, было даже странно, что она добралась быстрее. Томас Каротти связался с ней восемь часов назад, два часа ушло на бюрократию и сборы, шесть на дорогу и три минуты на высадку. Каротти не брал трубку. Мария уже готова была отдать приказ выдвигаться в сторону общины, когда появился полковник. Как он узнал об операции, она даже думать не хотела. Они уже довольно долго выясняли отношения – Мария была при исполнении и с официальным распоряжением, и в принципе могла вообще не обращать внимания на владельца охранного агентства, по совместительству занимающегося экстремальным туризмом и, что для неё было практически очевидно, различным шпионажем. Но Тренд Чептон имел огромный опыт в подобных операциях и приводил аргументы, которые Нельсон не могла игнорировать.

– Мария. Это религиозная община. Через час после начала захвата здесь будут репортеры со всех телеканалов. Через два часа приедут активисты. Через три – губернатор, и лавочку придется прикрыть. Я не меньше вашего заинтересован в успехе – в общине мой лучший оперативник, и я не собираюсь его терять.

– Да, Чептон, это все звучит очень правильно, но что в таком случае вы предлагаете нам делать?

– Ждать, мисс Нельсон. Каротти должен объявиться. Его осторожность мне хорошо известна.

– Слушайте, у меня уже второй человек сгинул в этом болоте. Материала столько, что хватит построить башню высотой в полтора метра. Я больше не могу терпеть этот рассадник... – она запнулась.

– Вот именно. В нашем случае политика – очень важный элемент уравнения. Рассадник религии, вы это хотели сказать? Осторожнее, Мария, вас могут услышать.

Нельсон немного успокоилась. Чептон был прав – впрочем, как всегда. Они подождут. Час. А потом разнесут этот балаган в клочья.

Послышался звук приближающегося автомобиля. Пикап несся с такой скоростью, что Мария невольно потянулась к кобуре. Машина резко остановилась на обочине, и из всех ее дверей начали выходить люди.

– Вот, смотрите. В нашей работе не стоит проявлять поспешность, офицер Нельсон.

– Идите к черту со своими нотациями.

Она быстрым шагом пошла к машине, с трудом удерживаясь, чтобы не побежать. Мария уже увидела его. Стюарт вышел последним, вид у него был уставший, он даже не взглянул на нее. Нельсон подошла и схватила капитана за плечи.

– Родни! Я знала, что вы справитесь!

Стюарт поднял глаза, и внутри у Нельсон все оборвалось.

– Что они с ним сделали?!

Она повернулась к Гиффету, который смотрел на неё с виноватым видом.

– Отвечайте! Что с ним?!

Джонни почесал кончик носа и скосил глаза в сторону. Чептон, который как раз подошёл к машине, отметил, что впервые видит Гиффета таким неуверенным.

– Простите, Мария. Я пока не знаю, как ему помочь. Но главное – он жив.

Нельсон почувствовала, что у неё трясутся колени. Она повернулась к Мэйсону и ткнула в него пальцем.

– А это ещё кто?

Каротти мягко оттеснил ее в сторону. Гиффет выразительно глянул на Чептона, потом на Мэйсона, после чего взял Родни за руку и повёл его в сторону чёрных кроссов ФБР, длинной вереницей стоявших на обочине. Полковник щелкнул наручниками на запястьях Генри Мэйсона, который при этом даже не шелохнулся. Мария какое-то время зло смотрела на него, но вскоре отвернулась и поспешила вслед за Гиффетом, ведущим под локоть капитана Стюарта. Джонни посадил наемника в машину, снова виновато улыбнулся и отошел в сторону – ему нужно было поговорить с полковником.

Она держала его за руку и молча смотрела на загорелое лицо с мелкими морщинками в уголках глаз и возле рта. Слева их было немного больше – это потому, что Родни ухмылялся одной стороной. Он не глядел на неё – в глазах капитана было так пусто, словно это были стекляшки, вклеенные в пластиковую голову красивого манекена. Она сжала его запястье.

Очень красивого манекена.

Между ними никогда ничего не происходило, и она считала, что Стюарт хороший друг, интересный собеседник и настоящий профессионал, который всегда готов помочь советом и делом. И теперь, когда она смотрит в его безжизненные, лишённые воли и смысла глаза, ей так больно, как будто он ей совсем не друг, совсем не приятель, разделяющий профессиональные интересы...

Ее глаза оставались сухими – Мария не умела плакать.

Она почувствовала прикосновение и обернулась. Джонни Гиффет мягко взял ее за плечо.

– Я пока не знаю как, но мы вернём его.

– Он такой... такой беспомощный! Он не должен быть таким. Его все равно, что нет. Что они с ним сделали?! Скажите мне, Гиффет! Вы были там.

К ней возвращалась привычная твердость и целеустремленность.

– Я разворошу это змеиное гнездо, Джонни, клянусь вам!

– Я рад это слышать. Но ворошить нужно не гнездо, а змею, которая его свила. Нам нужен Грегор.

– Грегор! Духовный лидер. Что вы узнали?

Джонни не собирался рассказывать Нельсон про эксперименты проповедника с чи'а, но у него уже была рабочая версия для ФБР.

– Он шарлатан. Но владеет искусством гипноза. Во время собраний он промывает мозги прихожанам, а некоторых превращает в марионеток. – Гиффет кивнул в сторону Стюарта, – у нас есть свидетель, его помощник.

– Тот здоровяк?

– Да, Генри Мэйсон. Уверен, он готов сотрудничать.

Мария улыбнулась.

– Ну, если вы так утверждаете, то я не сомневаюсь.

– Вот и прекрасно. Теперь собирайте своих ребят, пора нанести Светлому Царству официальный визит.

В будке было тесно, скамейка была жесткая, внутрь задувал сквозняк. Послушник Самуэль очень гордился своей работой: он охранял Врата во Врата, а это работа не для каждого. Конечно, не все было так гладко: например, этот Мэйсон. Преподобный Грегор очень ценит его помощь, а значит, этот человек служит их общим целям. Но его ужасный характер мог испортить настроение кому угодно. Он постоянно обзывал Самуэля разными обидными словами, специально (в этом послушник не сомневался) поднимал возле будки тучи пыли колесами своего гигантского пикапа. Самуэль печально вздохнул и подобрал полы своего одеяния – он услышал приближающийся звук знакомого автомобиля. Машина остановилась возле шлагбаума. Привратник посмотрел в окно и с удивлением обнаружил за рулем мужчину, которого на последнем собрании увели Чистые. Он попытался проанализировать сложившуюся ситуацию, изо всех сил наморщив лоб и выпятив нижнюю губу.

– Мне не дозволено пропускать посторонних... эээ... во Врата!

Водитель весело улыбнулся.

– Но какой же я посторонний, Самуэль! Я же теперь Чистый!

Страж ещё сильнее выпятил нижнюю губу. Он заглянул в салон и заметил пассажира на переднем сиденье. Тот помахал ему рукой.

– Приветствую, о владеец старинной будки!

Совсем запутавшись, бедняга вытянул шею и выглянул наружу. За пикапом выстроились ещё пять одинаковых чёрных тонированных машин.

– Эээ... эээ... Я не могу... то есть я не должен... незнакомые машины... – в голове у него, наконец, блеснуло решение. – Я должен сообщить о вашем приезде. Вам придется подождать.

Джонни грозно нахмурился и ткнул в привратника пальцем.

– Ты собрался заставить ждать Чистого брата? Ты представляешь, что за это бывает?

Самуэль втянул голову в плечи. Джонни с удивлением наблюдал, как в его черепе толкаются, пытаясь разойтись, всего две мысли. Ему даже стало его немного жалко. Джонни предложил ему третий вариант: охранник идет на автобусную остановку и ждет, пока приедет автобус. Теперь его будка там, ведь встречать посетителей на остановке гораздо удобнее – там нет грязи, и места больше, да и обзор лучше. А поскольку остановку они уже проехали, значит, машины уже на территории поселения, а его дело – охранять Врата и не пускать никого внутрь.

Морщины на лбу стража разгладились, он подобрал губу и полы одежды. Затем с равнодушным видом направился мимо вереницы машин в сторону асфальтированной дороги, на обочине которой виднелась автобусная остановка.

Каротти проводил его взглядом.

– Что ты с ним сделал?

Гиффет весело улыбнулся.

– Предложил нестандартное решение. Поехали.

Машина тронулась. Джонни рулил к роще платанов, которая находилась немного в стороне от основного поселения. Жители фанерных домиков уже проснулись и с удивлением наблюдали за процессией. Друзья остановились напротив ворот. За дело взялась Мария – ее группа высыпала из машин и, мгновенно расправившись с замком, ворвалась внутрь. Они рассыпались по саду широким полукругом и начали быстро продвигаться в сторону особняка. Компаньоны и Тренд Чептон им не мешали, оставаясь позади группы захвата. Каротти порывался прибавить шаг, но полковник взял его под локоть.

– Томас, позвольте. Вы видели, в каком настроении мисс Нельсон? Я бы не хотел попадаться сейчас ей под руку.

Отряд добрался до больших дверей, выкрашенных коричневой облупившейся краской. Мария громко постучала – никто не ответил. Она отошла в сторону.

– Ломаем.

Через четыре секунды штурмовики вынесли дверь и взяли под контроль коридор первого этажа. Друзья с интересом наблюдали за ходом операции. Офицеры по очереди забежали на винтовую лестницу, занимая позицию через каждые пять ступеней. Они уже достигли следующего пролета. По цепочке прошло движение – сверху передали невербальный условный сигнал. Чептон отпустил локоть Каротти.

– Думаю, вы можете войти. Я отойду ненадолго, мне нужно кое-что проверить.

Гиффет скосил на него глаза и кивнул. Компаньоны вошли в дом и двинулись вслед за замыкающим группы захвата.

Они поднялись по лестнице – оперативники уже рассыпались по этажу. Джонни повернул направо, пройдя через старые тяжелые двустворчатые двери. Это была проходная комната с железными кроватями и старым столом, заставленным немытой посудой.

Один Чистый лежал на кровати, ещё двое на полу. Все трое были мертвы. Гиффет почувствовал, как Томас схватил его за плечо.

Они двинулись дальше: эта комната была проходная, двери напротив вели в похожее помещение. Там тоже стояли кровати, и тоже лежал труп Чистого. Офицеры передали по цепочке очередное беззвучное сообщение, и Джонни посмотрел на компаньона:

– Все мертвы. В доме нет никого живого.

Они зашли ещё в одну комнату, обнаружив там двух мертвых женщин в белых одеяниях. После этого Гиффет решил, что с него достаточно, развернулся и направился к выходу. На лестнице они встретились с Марией.

– Тут куча свежих трупов. Джонни, я вынуждена просить вас покинуть помещение. Это место преступления.

– Да, конечно, мисс Нельсон. Я совсем не против выйти на свежий воздух и... – Гиффет запнулся и словно прислушался, – Чептон нашёл Грегора.

Полковник был в саду, с тыльной стороны здания. Под высокими кронами деревьев, с которых крупными каплями беззвучно капала вода, стояла старая каменная беседка, заросшая мелким плющом. В беседке на покрытой мхом мраморной скамье сидел проповедник – он был мертв. Чептон стоял рядом с трупом, задумчиво глядя на бывшего духовного лидера. Когда они подошли, он вынул из кармана плаща руку и, показав на мертвеца, заметил, не поворачиваясь:

– Я не вижу следов борьбы. Он просто сел и умер. Что у вас?

Мария кивнула.

– То же самое. Это что, массовое ритуальное самоубийство?

Чептон покачал головой.

– Очень похоже, если бы не один момент.

Он показал на раскисшую землю, покрытую тонким слоем опавших листьев.

– Сюда пришли двое, а ушёл один. А это уже называется убийство.

Мария поглядела вниз, но ничего не увидела. Впрочем, это было не важно – ведь Чептон сказал, что их было двое, а Чептон всегда оказывается прав.

– Похоже, кто-то подчищает следы.

– Да, согласен. Вы, Джонни, опять наступили кому-то на мозоль.

Гиффету это совершенно не понравилось. Он постоянно наступал на различные мозоли, принадлежавшие различным негодяям, но при этом Джонни всегда знал, кому эти мозоли при-

надлежат. Сейчас по всем признакам выходило, что тот, кто ушёл из беседки, знает Гиффета, а вот Гиффет его – нет.

Они вернулись к машинам. Вокруг уже собралась большая толпа – жители Врат с беспокойством наблюдали за происходящим в особняке. Мария Нельсон грубо проложила дорогу сквозь скопление сектантов, и им открылась причина столпотворения. Возле машины Мэйсона стояло две женщины – одной из них была Линда Клейтон. Другая была заметно старше. Джонни посмотрел на неё и узнал, даже не заглядывая к ней в голову. Сара Клейтон, ее мать.

Она стояла словно фурия, в гневе возвышаясь над дочерью. В глазах ее горел огонь фанатизма. Линда сжалась перед ней, казалось, что она сейчас усохнет и превратится в маленькую деревянную статую, которую можно будет поставить на каминную полку. Сара кричала.

– Твоя гордыня навела на нас порчу! Преподобный Грегор возлагает на тебя все наши надежды, ты несёшь огромную ответственность! Ты слепа, если не видишь, что уже не имеешь права что-то решать! Сама судьба теперь управляет тобой, и ты не можешь ей противиться!

Она сделала небольшую паузу, чтобы набрать в грудь воздуха, и снова заверещала, явно стараясь подражать своему кумиру.

– Я так надеялась, что ты услышишь мои молитвы! Я молилась каждую ночь и каждый день, чтобы ты ступила на истинный путь. А ты! Ты привела этих грешников! Этих копов! Они оскверняют нашу общину, они ворвались в дом чистоты, и все потому, что моя дочь – непокорная, своенравная блудница!

Линда подняла глаза и возмущенно воскликнула:

– Мама!!!

– Молчи! Я достаточно выслушала от тебя! Ты можешь думать только о себе! Преподобный Грегор говорит нам, что...

– Преподобный Грегор умер.

Джонни не знал, как это у него получилось. Он произнес эти слова так, что его услышал каждый. Услышал четко, громко, прямо у себя в голове. Гиффет очень хотел, чтобы его слова дошли до всех.

Повисла оглушительная тишина. Лицо Сары вытягивалось по мере того, как смысл сказанного все больше доходил до ее сознания. Все головы одновременно повернулись в сторону Гиффета. В каждой паре глаз застыл вопрос. Джонни понял, что именно сейчас он сможет изменить жизнь этих людей. Он открылся энергии жизни и пропустил ее через себя, спрашивая у неё совета. Чи́а струилась и резонировала внутри него, она усиливала и обостряла все чувства. Мысли его приобрели упорядоченность, сознание прояснилось. Он посмотрел на прихожан и добавил:

– Преподобный и его Чистые братья покинули этот мир, потому что им пришла пора отправляться домой.

Джонни видел, как люди задают себе один и тот же вопрос: почему их бросили? Он выбрал верный путь.

– Вы ничего не поняли. Преподобный не смог найти для вас правильных слов. Вы все идёте дорогой, которая никогда не приведёт в Светлое Царство. Его время пришло, и теперь вы сами должны найти свой путь.

Он ощутил беспокойство в головах прихожан, их вынуждали... даже не выбирать, их заставляли принимать решение. Впервые за долгое время.

– Только вы сами можете найти дорогу во Врата. Грегор пытался объяснить это вам, но вы не хотели слышать. Вы хотели упиваться своим горем, хотели, чтобы все решали за вас. Но каждый человек рождается в муках, и проходит свой путь сам, и лишь тогда обретает мудрость. Преподобный собрал вас здесь, чтобы научить этому, но вы не поняли. Теперь вы сами должны идти вперёд. И куда вы придёте, зависит только от вас.

По толпе прошло движение. Гиффет посмотрел на Сару – казалось, она готова была заплакать.

– У вас есть близкие, которых вы бросили ради своего горя. У вас есть силы, которые нужны другим людям. У вас есть способности, чтобы сделать мир лучше. Грегор не успел сказать вам этого. Он менял этот мир, помогал другим, и он попал в Светлое Царство. Он ушёл, чтобы подать вам пример.

Джонни внимательно следил за реакцией толпы – люди размышляли. Он заронил в умы семя сомнения, подкрепил его фактами. Теперь оставалось только ждать, когда оно проклюнется.

Гиффет увидел, как миссис Клейтон повернулась к дочери. Можно было не пользоваться шестым чувством, чтобы понять – его речь дала результат. Сара взяла дочь за плечи, на лице ее отразилось понимание того, что она чуть не потеряла. Женщина упала на колени и зарыдала, прижав к себе девушку. Линда держала маму за голову, по лицу дочери текли слезы. Джонни поймал ее взгляд, полный бесконечной благодарности. Он повернулся к Каротти.

– Пошли. Кажется, теперь Грегор умер окончательно.

Время летит незаметно. Или это мы наполняем его своими делами, растягивая, словно чулок...

Томас постоянно был занят – он метался между Луизой, работой и Гиффетом, который не отходил от капитана Стюарта. Правда, периодически он пропадал на несколько часов, и только Каротти знал, куда. Усилия компаньона не приносили результата – Родни по-прежнему оставался ко всему равнодушен. Он только ел, спал и целыми днями бессмысленно смотрел в одну точку. Он даже не мылся, если его об этом не просили. К нему несколько раз приезжала Мария – она сидела рядом с капитаном, держа его за руку, и молчала. Нельсон, как и обещала, не оставила от секты ровного места – организацию расформировали, прихожане разъехались кто куда. Расследование не дало практически ничего – наёмник Мэйсон не смог пролить свет на ситуацию даже с помощью Гиффета. Он ничего не знал. Грегор периодически встречался с кем-то, но делал это в одиночку и вне общины. Причин массового самоубийства Чистых он тоже назвать не мог. Мария провела эксгумацию захороненных на территории общины тел прихожан, погибших во время вечерних собраний: у всех причиной смерти была остановка сердца. Таким же образом умерли Чистые и Грегор в день захвата. Расследование встало в тупик: рядовые члены секты не знали практически ничего, единственной зацепкой оставалась Линда, которую Грегор по неизвестным причинам жаждал заполучить любой ценой, рискуя репутацией общины. Тут все сходилось – и сектанты, и Мэйсон давали одинаковые показания. Грегор распорядился не выпускать мисс Клейтон из деревни, а в случае её побега сообщать наемнику. Мэйсону же была поставлена отдельная задача – ни в коем случае не допустить, чтобы Линда покинула Врата.

Сама девушка уже все рассказала и добавить ей было нечего, так что единственным неопрошенным свидетелем, который мог что-то знать, оставался капитан Стюарт. Но тут не мог помочь даже Джонни. Он проводил с Родни все своё время, пытаясь поговорить с мальшом, который перочинным ножиком вырезал из сосновой коры лодочку. Мальчик его не слышал, не видел и не имел к реальности никакого отношения. За исключением того, что этим мальчиком был Родни Стюарт тридцать лет назад.

КарГи Констракшн испытывала творческий кризис: у компаньонов закончились идеи, которые можно было выжать из кло'когна. Несмотря на это, бизнес партнеров процветал – доходы от продажи сплава, из которого были выполнены внутренние панели челнока, были огромны. Из него выполнялись кузова автомобилей, элементы самолетов и батискафов различ-

ными производителями по всему миру. Система регенерации, использующая принцип работы кресла пилота кло'когна, прошла все необходимые клинические испытания и применялась все более широко во многих областях медицины. Даже самый первый проект партнеров – воздушные уплотнители – до сих пор продолжал насыщать рынок, не говоря уже о системах бесконтактного бурения, которые в несколько раз упростили добычу ископаемых. Часть получаемой прибыли тратилась на развитие лунной базы, которая уже была накрыта герметичным куполом и уходила на два уровня ниже поверхности. Джонни также разрабатывал проект размещения подобной конструкции на Марсе, но пока это были только чертежи на бумаге.

Теперь, когда вернулся Джозеф, дело могло сдвинуться с мертвой точки, но для общения с ним была нужна помощь Гиффета, который отходил от Стюарта только для того, чтобы исчезнуть вместе с челноком на неопределенное время. Каротти он с собой не брал, однако Томас знал, куда летает его друг – маленькая Клоанди росла, и Гиффет постоянно навещал её. Она развивалась так же, как любой другой ребёнок, но Джонни утверждал, что девочка совершенно уникальна и использовал малейшую возможность, чтобы увидеть малышку.

Том торопливо шёл по дорожке, ведущей из комплекса на виллу, расположенную на вершине холма. Он выстроил рядом с жилищем Гиффета ещё один дом в таком же стиле и переехал в него сразу после рождения дочери. Это было удобнее во всех отношениях, кроме одного: у Джонни моментально появилась привычка заваливаться к ним без предупреждения. Впрочем, раздражало это только Томаса – Луиза всегда была рада его компаньону, потому, что когда приходил Гиффет, вечно орущая Каталина сразу же успокаивалась, и так продолжалось до тех пор, пока манипулятор не уходил. Особенно подкупало ее маму то, что девочка с ним разговаривала. Набор звуков, ничего не значащих даже для Луизы, совершенно не смущал Джонни. Он интересовался у Каталины самыми неожиданными вещами – спрашивал, что ей снилось, насколько вкусна последняя пустышка, какой из ангелочков над кроватью самый красивый, и на каком боку ей нравится сосать грудь. После каждого вопроса он терпеливо слушал, как она кричит, агукает и гудит на разные лады. После чего с совершенно серьезным видом давал матери рекомендации, которые, как она уже убедилась, всегда были абсолютно правильными.

Каротти так спешил потому, что к Джонни приехала Линда Клейтон – девушка, наконец, смогла уговорить маму, которая осталась без дома благодаря усилиям Грегора, пожить у неё в квартире. Гиффет ещё в день захвата общины пригласил её в гости, и вот, наконец, она здесь. А Джонни, конечно же, нет на месте.

Когда Том вошел в гостиную дома Гиффета, он обнаружил, что Линда пьет чай с Лаурой и Ричи. Луиза с дочкой сидела на диване – у Каталины было время кормления. Мисс Клейтон увидела его и широко улыбнулась.

– О, мистер Каротти! Я так рада вас видеть! А где мистер Гиффет?

Томас уселся в кресло и вытянул ноги.

– Боюсь, он пока не может подойти. Он... – Каротти замялся. Лаура сразу же пришла ему на помощь.

– Он поехал за покупками. Джонни вернется буквально... – Том перехватил инициативу.

– Буквально через пару часов.

Линда кивнула и грустно улыбнулась.

– Мистер Гиффет говорил, что я смогу повидать капитана Стюарта...

Томас кивнул.

– Конечно. Он как раз здесь. Мы можем зайти к нему, пока Джонни не вернулся... с покупками.

Он проводил девушку в апартаменты, которые Гиффет отвел для капитана. Родни жил в большой комнате первого этажа с панорамными окнами, выходящими на поросший вереском склон. Ричи пошел с ними – он часто сидел рядом с капитаном, по-детски надеясь разглядеть в безжизненном взгляде проблески воли. Когда они вошли, Родни сидел на кровати в той же

позе, что и утром. За окном ветер гнал травяные волны по склону, рваные облака быстро летели по сизому небу. Стюарта пейзаж не интересовал – он равнодушно глядел в пространство, почти не моргая. Линда осторожно села рядом и взяла его за руку.

– Родни! Вы меня помните? Я Линда Клейтон. Если бы не вы, меня бы... я бы тоже...

Глаза девушки наполнились слезами, она отвернулась и расплакалась. Стюарт по-прежнему равнодушно глядел на стену.

Ричи подошёл к Линде и неожиданно для себя обнял её.

– Не плачь! Джонни его вылечит! Джонни всем может помочь, правда, Том?

– Правда.

Мисс Клейтон улыбнулась.

– Ваш мистер Гиффет самый удивительный человек из всех, кого я знаю.

Ричи с гордостью кивнул.

– Да! Он летает на Луну, а ещё он захватил всех гангстеров и посадил их в тюрьму, и ещё он возил меня на планету Джозефов. А вот, кстати, и Джозеф! Смотри, Том!

Каротти не было необходимости оглядываться – лицо девушки вытянулось, а рот начал открываться все шире, по мере того, как она все больше убеждалась в реальности происходящего.

Каменный богомол пришёл навестить капитана – он делал это с завидным постоянством, по несколько раз в день. Правда, никакой системы в его визитах не наблюдалось – он мог прийти в любое время. Внутри он не заходил, чтобы не разворотить комнату, а просто стоял с другой стороны стеклянной стены, слегка пританцовывая. Томас совершенно про него забыл – Джозеф уже давно стал для них членом семьи, и его воспринимали как само собой разумеющееся.

Линда, наконец, вышла из состояния оцепенения и с вытаращенными глазами повернулась к Тому.

– Это.... Это.... Это я его рисовала в машине!

Каротти отметил, что Линда не спрашивала – это было утверждение. Он почесал кончик носа и, заметив, что копирует Гиффета, смущенно ответил:

– Да, Линда. Это Джозеф.

– Но он же... он же... кто он такой!?

– Линда, когда Джонни говорил вам, что Джозеф не человек, он имел в виду именно то, что он не человек.

– Но кто это?

– Я вам потом расскажу. Не бойтесь его, это наш друг.

Ричи коснулся ладонью пола и прикрыл глаза.

– Он говорит, что ему нравится Линда. И он сказал, что не боится её.

Каротти удивленно поднял брови.

– Не боится? Что значит – не боится?

– Он говорит, что не будет бояться, если она всем его покажет.

Томас покачал головой.

– Знаешь, тебе нужно расширять словарный запас.

Ричи сердито махнул рукой.

– Ну что тут непонятного? Он не боится, что она всем... его...

Мальчик нахмурился и добавил:

– Ну да. Непонятно.

Сзади раздался веселый голос Гиффета:

– Он хочет сказать, что Джозеф не против того, что Линда будет рисовать его внутренний мир. Правильно, Ричи?

– Правильно, Джонни!

Ричи вскочил, подбежал к Гиффету и сразу полез обниматься. Джонни потрепал парня по голове, подошёл к Линде и протянул ей руку.

– Я рад приветствовать вас в нашем доме! Вижу, вы уже со всеми познакомились.

Она улыбалась и не знала, что ответить. Гиффет с самого начала покорила её своей неординарностью и добродушием. Девушка держала его ладонь обеими руками и восхищенно разглядывала. А он ещё шире улыбнулся и добавил, осторожно высвобождая руку из захвата:

– Мисс Клейтон, у меня есть для вас деловое предложение. Если вы готовы меня выслушать, предлагаю перейти в другую комнату – капитана лучше не беспокоить подолгу.

– Что мне нужно будет сделать, когда я окажусь в нужном месте в нужное время?

– Твой друг больше не хочет быть. Но он оказался достаточно сильным, чтобы обмануть собственное сознание. Он спрятался от него в своём прошлом. Ты должен создать связь.

– Не хочет быть... То же самое сказал Джозеф. Что это значит?

– Кто-то, имеющий возможность, но не владеющий знанием, лишил его смысла существования. Твой друг хочет умереть потому, что не хочет жить. Ты знаешь, о чем я говорю. Ты сам почувствовал это тогда, в общине.

– Это Грегор. Он остановил течение чи'а в церкви. И люди перестали чувствовать жизнь. Они все попрятались от реальности, а проповедник вытащил одного из них, разбудил... И этот мужчина сразу же захотел умереть!

– Смерть – это противовес жизни. Желание жить компенсирует желание умереть. Этот Грегор не понимал, что делает.

– Не уверен в этом. И умерли не все – некоторые Чистые братья выжили. Так же как и Стюарт; он тоже выжил, но...

– Твой друг перехитрил смерть. Он сбежал от неё в своё детство. Ты знаешь, что это значит – я это чувствую.

– Да. Я знаю. Дети так сильно хотят жить, что никогда не захотят умереть – они есть суть жизни и не подвержены суициду.

– Твой друг теперь живёт в своём прошлом, а тело его осталось без хозяина – он просто сосуд с рефлексами и опытом. Без личности твой друг – обычная марионетка. Он будет выполнять чужую волю, поскольку своей у него не осталось.

– Я должен попасть в прошлое, чтобы вытащить его из детства? Но почему я не могу сделать этого в настоящем?

– Тебе придётся вернуться, потому, что ты уже не можешь помочь ему сейчас: структура его мозга изменилась, она грубеет с каждым днём, как зарастает прокол без серьги. Его мозг уже не пропустит твоего друга назад. Ты вернёшься в тогда, когда ещё не поздно. Ты вернешь его назад, но не полностью. Ты оставишь только маленькую щель в двери, чтобы нейроны не забыли. А потом ты вернёшься.

– Я понял тебя. Я создам связь с его будущим. Объясни мне, как приоткрыть дверь?

– Используй чи'а. Он забыл себя – познакомь его с самим собой, познакомь с его взрослой чи'а. Пусть он вспомнит, как его зовут.

Линда никак не могла прийти в себя. Летающая тарелка... Каменный пришелец, база на Луне, межзвездные прыжки, космические вампиры, высшая раса... Гиффет спокойно наблюдал за девушкой, попивая кофе. Они сидели в лаборатории: только что на связь вышел Немин; он был добровольным изгнанником на лунной базе уже больше недели. Геолог занимался рас-

ширением комплекса в глубину, используя для раскопок систему бесконтактного бурения, модернизированную Каротти специально для этой цели. Гиффет предложил Луизе участие во всех его проектах. Он не мог показать ей чи'а, но мог привести неоспоримые аргументы её неординарности. Девушка чувствовала внутренний мир живых существ, причём настолько тонко, что могла нарисовать его, опираясь на ощущения других людей. Её абстракции были совершенно гениальны – и, чтобы это понять, ей нужно было познакомиться с Джонни. Она привезла с собой в качестве подарка «портрет» его Лауры, выполненный маслом – Гиффет выдрал из рамы в гостиной какую-то репродукцию и своими руками вклеил в нее картину Луизы. Пока они разговаривали, он постоянно восхищался талантом мисс Клейтон. Он провёл её в ангар и показал кло'когн – Луиза не верила до самого конца, пока Джонни не активировал входной шлюз. И только она пришла в себя, позвонил Григорий. Шлем его скафандра был оборудован системой видеосвязи, и девушка увидела лунный пейзаж, ящики с оборудованием, стоящие прямо в серой пыли, матовый купол, накрывающий жилые модули, увидела висящую в небе Землю.

Теперь она сидела, задумчиво глядя в пространство, и размышляла. Джонни ей не мешал – она должна была навести в своей голове порядок. Сам Гиффет тоже думал: ему не давала покоя загадка, связанная с повышенным интересом сектантов к девушке. Она была единственной, кого во вратах удерживали насильно, и при этом она была Светлой. Манипулятор был уверен, что это не совпадение. И тем лучше, что Луиза теперь у него под присмотром. Он был уверен, что фанатики ещё проявят себя. Он наступил кому-то на мозоль, как сказал Чептон.... Джонни нахмурился. Началась игра в Замки. Он не любил отсиживаться и прятаться, но сейчас ничего другого не оставалось. Как же ему не хватает Стюарта! Никто не может сравниться с ним в тактике. Гиффет ждал ответного хода противника: так советовал полковник Тренд Чептон, и Джонни был с ним согласен. Они совещались после штурма общины: реакция Тренда была довольно неожиданной. Чептон наотрез отказался принимать участие в расследовании, и Гиффет видел, что он испугался.

– Джонни, я понимаю, что нужен вам, но и вы меня поймите. Я уже давно в отставке. Я вожу по джунглям богатых туристов и не задаю им лишних вопросов, могу помочь советом или рекомендацией, могу выправить документы. Но не заставляйте меня играть в эту игру. Я уже играл в неё, и больше не хочу. Я здесь только по одной причине, вы это прекрасно понимаете. Помогите Стюарту. Помогите ему, и у вас будет специалист гораздо круче меня. Не удивляйтесь. Я это говорю потому, что он не слышит. Родни уже давно меня переплюнул – ему пора открывать собственное агентство. А мне – мне давно пора купить домик в горах у озера и ловить рыбу по лицензии.

Полковник Чептон коротко кивнул, сел в машину и уехал. А Гиффет остался стоять, пожалуй, впервые в жизни ошарашенный поворотом беседы.

И теперь Джонни сидел, задумчиво глядя на мисс Клейтон, и гадал, для чего она понадобилась Грегору. Он почесал кончик носа.

– Линда?

– Да, мистер Гиффет?

– Линда, скажи, пожалуйста, а ты можешь нарисовать кого-нибудь из знакомых проповедника? Кого мы еще не знаем?

Она помолчала немного, накручивая на палец светлый локон.

– Я думаю, да. Но мне нужно побыть немного в одиночестве. Мне сложно рисовать, когда отвлекают.

– Конечно, конечно!

Джонни позвонил в офис и попросил выделить для девушки хорошо освещенное изолированное помещение.

– Через несколько часов все будет готово. И ещё одна просьба, мисс Клейтон. Скажите, где вы остановились?

– Я ещё не думала об этом. Планирую пожить в отеле где-нибудь рядом.

– Линда, мне будет спокойнее, если вы разместитесь у нас на территории. Не поймите меня неправильно.

– О, мистер Гиффет. Я бы не хотела усложнять вам жизнь.

Джонни взял девушку за руку.

– Линда, я знаю, что вас беспокоит. Вы стараетесь об этом не думать, но я все вижу. И меня тоже это очень волнует.

Она перестала улыбаться.

– Вы тоже думаете, что они могут вернуться?

– Я надеюсь, что нет, но моя рациональная часть говорит обратное. Грегора убили, как и всех остальных. Убийца остался неизвестен. Зато мы прекрасно знаем, что они хотели заполучить вас так сильно, что подставили под удар всю общину. И они должны снова попытаться.

Линда кивнула.

– Вы решили сыграть с ними в Замки?

Гиффет посмотрел на нее долгим внимательным взглядом.

– Решил. Вы знаете эту игру?

– Нет. Я просто... как будто знаю правила. Может, когда-то слышала краем уха...

– Может быть. Я буду беречь вас, Линда. Вы очень необычная девушка.

Сантори Модэйро Лопес смотрел, как по стенкам бокала медленно поднимаются пузырьки воздуха. Они застревали между листьев мяты, образуя пузыри побольше. Иногда давление становилось достаточным, чтобы продавить препятствие, и тогда на поверхности возникал всплеск, мелкие брызги от которого долетали до лица наблюдателя.

Добавили слишком много содовой. Только на Кубе можно заказать приличный мохито. Лопес осторожно сделал глоток. Слишком много льда, слишком мало рома, слишком зелёный лайм. Американцы. Они все у всех берут, переделывают под себя, а потом говорят, что это и есть настоящее. Настоящая пицца, настоящие суши, настоящий мохито. А на деле у них нет ничего, кроме пепси. И почему его не отправили на Кубу? Организация должна учитывать внутренние интересы своих членов. Гин Чан мог бы выбрать кого-нибудь другого. Ицхак, например, только и говорит про Америку. Почему бы ему не полететь? Все израильтяне обожают Калифорнию.

Сантори был урожденным кубинцем. И хотя уже не жил там больше пятнадцати лет, самым лучшим отдыхом для него было вернуться на родину, под жаркое солнце, и почувствовать неторопливое течение островной жизни. Он подумал, что ему все здесь не нравится, потому, что Остров Свободы совсем рядом. Если бы его отправили в Мексику или Европу, все было бы нормально. А тут он не может сосредоточиться. Зачем вообще нужно было заказывать мохито? В Калифорнии нужно пить виски. Впрочем, как и во всех остальных штатах.

Он поморщился и отставил стакан в сторону. За окном было солнечно, часы над барной стойкой показывали без пятнадцати три. С собой Лопес часов не носил, поскольку считал, что это бессмысленная побрякушка, созданная, чтобы отнимать у людей настоящее. Он часто наблюдал, стоя в аэропорту, за другими мужчинами, одетыми, так же как и он, в деловой костюм. Они постоянно проверяли свои часы. Каждые одну или две минуты. Сколько осталось времени? Сколько прошло? Сколько прошло с того момента, как я последний раз смотрел, сколько прошло? У них не было настоящего – только прошлое и будущее. Сантори ещё ни разу не опоздал ни на самолет, ни на поезд. И у него не было часов.

Телефона у него тоже не было, но это уже была политика организации. Ровно в три часа он должен связаться с наставником и доложить о статусе процесса корректировки. Он еще раз бросил взгляд на часы – больше для вида, чтобы не привлекать к себе внимания. Без пяти, пора выходить. Лопес положил на столик пару купюр и вышел, стараясь выглядеть естественно. Телефонная будка была всего в нескольких десятках метров. Он вынул заранее приготовленные жетоны, скормил аппарату и набрал номер.

– Сантори Модэйро Лопес, куратор Гин Чан, статус корректировки – полностью завершена. Есть дополнительная информация.

На другом конце линии ответил женский голос.

– Сообщение принято. Ждите ответа.

Лопес облокотился на поручень – шифрование занимало довольно много времени. Наконец, трубка снова ожила.

– Гин Чан принимает статус. Гин Чан запрашивает дополнительную информацию.

– Дополнительная информация для Гин Чана. Грегор обнаружил вербовщика. Вербовщик скрывается. Есть еще информация.

– Сообщение принято. Ждите ответа.

Сантори закусил губу, не заметив, что потекла кровь. Сейчас самое важное. Главное – ничего не перепутать.

– Гин Чан принял информацию. Следующее сообщение.

– Дополнительная информация для Гин Чана. Грегор обнаружил демона. Личность демона установлена. Демона обезвредить не удалось.

– Сообщение принято. Ждите ответа.

Лопес облегченно выдохнул. Теперь от него ничего не зависит.

– Гин Чан принял информацию. Сообщение от Гин Чана.

– Сантори Модэйро Лопес, готов принять информацию от Гин Чана. Временный код – 1301.

– Проверка пройдена. Сообщение от Гин Чана. Продолжайте наблюдение за демоном. Вылетаю на место. Явка завтра в полдень согласно инструкции.

– Сообщение принял. Конец связи.

– Конец связи подтверждаю.

В трубке послышались гудки. Лопес вышел из будки, поправил галстук. Все это слишком сильно затянулось, у него есть и своя паства, и с ней тоже куча проблем, а он разгребает тут за Грегором. Чан их предупреждал, не стоило брать америкашку в организацию. Хотя, если бы не он, они бы не вышли на демона. Это перекрывает любые неприятности. Сантори распрямил плечи и гордо поднял голову. Они спасут человечество, и он будет стоять прямо у истоков.

Вкус. У всего есть вкус.

Я люблю пробовать все новое – это у людей называется флирт. Так считает Ричи. У Ричи тоже есть вкус – вокруг него всегда облако вкуса. Вокруг каждого человека есть такое облако. Вокруг каждого живого существа на этой планете. Но петь умеет только Ричи. Он считает, что это флирт. Я люблю все новое потому, что это приближает к разделению. Информация копится, в конце концов начиная требовать сохранения. Ричи говорит, что флирт тоже приближает к разделению. Он сам ещё не делился, но уже скоро придет его время. Может быть, всего через десять или двадцать циклов его планеты. Разделение – это самое важное. Но разделение наступает только тогда, когда становится много нового. Мне скоро снова придется разделяться.

Когда я сюда попал, мною управляли. Мы назвали их «страх ожидания смерти». Они приходили всегда, с начала времён, и забирали лучших. Мы все знаем, зачем. И мы не могли

остановить этого. А потом забрали меня, но не стали убивать, как остальных. Меня изменили и отвезли сюда, на планету водянистого народа, чтобы я напал на Джонни. Я чуть не лишил жизни одного из них, а ведь у людей так легко ее отнять! Водянистый народ такой медленный и мягкий – одно неосторожное движение, и жидкость, из которой они сделаны, вытекает наружу, а человек погибает. Я никогда не прикасаюсь к ним, чтобы не проколоть.

Я тогда напал на Стюарта. Он спас меня – он пробил мой первый глаз, и я перестал видеть время. Иначе я бы убил его, и тогда водянистый народ не стал бы мне помогать. Стюарт – мой друг. У него самый приятный вкус. Ричи тоже мой друг. А Джонни – друг всех Джозефов. Он исправил меня, и я перестал хотеть убивать. Он прогнал «страх ожидания смерти». Мой народ больше не боится.

А сейчас у нас грустная песня. Потому, что Стюарт больше не хочет быть. Вокруг него облако смерти, у него вкус отчаянья и безысходности. А у остальных вкус печали. Только у Джонни вкус надежды, и ещё он часто злится. Ричи поет его слова, и я отвечаю, но Ричи молодой и глупый, хотя и добрый. Он не может правильно объяснить мою песню.

Я люблю сидеть на склоне. Возле жилища Гиффета отличный, вкусный склон. И хороший ветер. Я люблю ветер – он приносит тысячи вкусов.

Мне здесь нравится. Запахло кло'огном – значит, Гиффет вернулся. Он хочет меня увидеть, нужно возвращаться. Они не смогут найти меня здесь – когда Джозеф лежит на скалах, его невозможно заметить.

Томас Каротти слонялся по вытоптанной земле возле гэра. Вокруг была бескрайняя степь, куда не погляди – от горизонта до горизонта ни деревца, ни камня, только одинокий гэр¹ и пара десятков овец, которые с интересом рассматривали его необычную одежду. Джонни всегда брал его сюда с неохотой, но Каротти особо и не напрашивался – его друг сидел в доме с Кло'анди, оба молчали – она потому, что ей было всего полтора года, а он – потому, что был занят общением с ней. По-монгольски Томас не понимал, и хотя родители девочки всегда приветливо ему улыбались, говорить с ними было не о чем. Одним словом, скукота.

В этот раз он полетел с Гиффетом в надежде, что Кло'анди поможет ему со свежими идеями исследований. Это было предложением Джонни – сам Томас относился ко всей этой истории довольно скептически, поскольку считал, что его друг слишком уж преклоняется перед этой, как утверждал сам Гиффет, реинкарнацией Совершенного.

Но других идей у Томаса все равно не было, поэтому он продолжал рассказывать взад и вперед возле входа в гэр, иногда пиная лакированными туфлями сухие овечьи козьяки.

– Стюарт. Я пытаюсь говорить с ним, но он меня не слышит.

– Ты говоришь с ним, как взрослый. Он боится снова становиться взрослым – в сознании взрослого его ждёт смерть. Он не будет слышать тебя, пока ты не станешь ребёнком.

– Стану ребёнком? Как я могу стать ребёнком, Кло'анди?

– Ты и сейчас ребёнок. Это ребёнок не может стать взрослым – для этого нужно прожить жизнь. А взрослый носит в себе детство всегда – просто вы думаете, что оно вам уже не нужно.

– Ты права. Мы так думаем. Зачем нужно детство взрослому?

– Зачем нужна вода? Ведь есть камень, – мысленно спросила она.

– Я тебя не понимаю.

¹ Гэр – Юрта (монгольский) (прим.ред.)

– Когда мы стареем, наши мысли и чувства каменеют. Посмотри на детей – их жизнь течёт, они не делят ее на этапы, они не подчиняют ее закономерностям, они просто живут, здесь и сейчас. Дети – как вода. А старики – как камень. Они обрастают привычками, страхами, принципами, обязательствами, целями – их жизнь уже не течёт, она, как тяжелый паровоз, едет по заранее проложенным рельсам, пока они не кончатся. А дети – это вода. Воде не нужны рельсы. Пока в нас есть вода, мы живые. Взрослый без детства – камень.

– Я никогда не думал об этом.

– Загляни в себя и найди воду. В тебе много воды, Джонни Гиффет, ее будет сложно не заметить.

– Спасибо. Я поищу.

– Твоему другу нужна помощь, – мелькнула её мысль в голове Джони.

– О! Да, Томас. Он совсем застрял с исследованием кло́когна.

– Он застрял потому, что не знает самого главного – что такое кло-когн.

– Это летающий пончик. Полное кольцо, которое перемещается быстрее света.

– Джонни, кло-когн – это вода.

– Что значит вода?

– Кло – значит вода. Когн – значит твёрдый. Кло́когн – это твёрдая вода.

– Твёрдая вода? Кло́когн сделан из льда?

– Лёд – это замерзшая вода. Кло́когны изготовлены из ТВЕРДОЙ воды.

– Вода – это жидкость, Кло́анди!

– Это ты так считаешь. Но это не так.

Когда Джонни вышел из гэра, Каротти сразу понял, что у него есть что-то очень интересное. Гиффет так усердно чесал кончик носа, что иначе и быть не могло.

– Ну, что? Что она сказала?

Джонни в задумчивости перевернул носком ботинка овечью лепешку.

– Что мне нужно впасть в детство.

– Что? В детство? Зачем?

– Чтобы Стюарт меня услышал.

– Стюарт? Ничего не понимаю.

Гиффет махнул рукой в пространство, как бы говоря, что он и сам не слишком разобрался в ответе Кло́анди.

– Да, кстати. Она говорит, что наш челнок сделан из воды.

– Из воды? Что она...

– Подожди. Она утверждает, что это водяная капля, сформированная в полное кольцо в гравитационном поле и затем подвергнутая специальной обработке, в результате которой вода становится твердой.

– Джонни, я, конечно, не сильно разбираюсь в физике. Но, по-моему, эта специальная обработка называется «замораживание».

– А вот и нет. Я тоже две минуты назад думал, что разбираюсь в физике. Полетели, нам понадобится помощь Джозефа.

Компаньоны забрались в кло́когн. Гиффет активировал автопилот, и они помчались в Сакраменто со скоростью, в триста раз превышающую скорость сверхзвукового истребителя.

От слов Джонни у Томаса в голове началась настоящая революция. Его друг утверждал, что при определенных условиях воду можно заморозить так, что в момент кристаллизации ее структура изменится, в результате чего точка плавления будет составлять уже не ноль градусов Цельсия, а четыре с половиной тысячи – то есть станет приближенной к температуре поверх-

ности звезды. Кроме того, изменятся коэффициенты прочности и хрупкости, придав веществу практически неразрушимую структуру. И в довершение всего, этот материал перестанет пропускать все известные виды излучения на 99,99 процентов.

От такого утверждения у другого просто перегорели бы все контакты или же сработала защита, отключающая аналитическое мышление. Но Томас Каротти был не обычным инженером – паяльщиком. Его мозги выстроили серые клетки в шеренги и пошли на штурм. Сейчас с ним бесполезно было разговаривать – он был полностью поглощен новой задачей. Джонни с восхищением наблюдал за работой мозга своего друга – он видел его в действии не впервые, но сейчас Каротти превзошел сам себя. Челнок еще не приземлился, а у Томаса уже был намечен план исследований и опытов. И, естественно, когда они вышли из шлюза, первым, кого они увидели, был Джозеф. И как он все узнает заранее?

Рисование – это всегда порыв. Линда принималась за полотно уже в тысячный раз, но у неё ничего не выходило. Она видела этого человека, но только в общих чертах. Как только девушка пыталась более четко почувствовать детали, воспоминание словно сдувало ветром. Порыв. Ей тоже нужен порыв, который отбросит в сторону эту досадную помеху, даст рассмотреть характер, слабости, желания, страхи. Она снова поменяла лист бумаги. Джонни устроил для неё прекрасную студию, одна из стен которой была полностью стеклянная и давала море света. В углу уже скопилась приличных размеров куча свернутых в рулоны набросков. Она вздохнула.

– Он как будто прячется от меня.

Линда задумалась. Он прячется не от неё, он о ней и не знает. Он прячется от Грегора, ведь она ищет образ в ощущениях проповедника – тех, которые ей удалось почувствовать. Значит, весь материал у неё в голове. Она прикоснулась к вискам кончиками пальцев. Сейчас.... Вот он.

Девушка начала рисовать быстрыми и точными движениями, безошибочно нанося на бумагу изображение. Этот человек действительно прятался – Грегор боялся о нем думать, словно за это его могли лишиться жизни. Этот страх передался и ей, но теперь, осознав причину, она могла игнорировать его. Через несколько минут портрет был готов. Она отошла в сторону и осмотрела холст – добавить было нечего. Он был раздражительный, властный, циничный, внимательный к деталям, жестокий и амбициозный. Он любил чувствовать, что живой – каждую секунду. Он презирал глупых и уважал тех, кто умнее. А ещё – ещё он был фанатиком.

Линда быстро свернула картину и побежала в соседний корпус, в лабораторию. Там сейчас были все, кроме нее – она не могла рисовать при искусственном освещении, да еще когда рядом клацают гранитными конечностями гигантский богомол.

Когда она вошла, никто, кроме Джонни, не обратил на неё внимания. Каротти копался в большом металлическом ящике, три стенки которого были сняты. Ящик битком был набит электроникой. Рядом находился металлический столик на колёсах, заставленный пластиковыми бутылками с питьевой водой. Ричи разговаривал с Джозефом – обе его ладони были плотно прижаты к полу, мальчик старался уловить малейшие вибрации, издаваемые пришельцем. Видимо, общение было очень насыщенным. Гиффет выполнял роль коммутатора, делая разговор доступным для Тома. Линда постояла в нерешительности и, решив не мешать, повернула в сторону копии кло́когна, в которой был устроена закусочная. Внутри она обнаружила Лауру и Луизу Касталь – женщины оживленно о чем-то беседовали.

– Лаура, ты не понимаешь. Мужчинам нужны такие вещи. Иначе они перестают быть собой.

– Да, это просто чудесно, пускай они остаются собой, а я буду постепенно превращаться в мебель, которая нужна только для того, чтобы украшать гостиную. Он уже четвёртый день не обращает на меня никакого внимания!

– Дорогая, то, что ты все еще можешь украшать гостиную, уже неплохо. Помню, когда мою двоюродную тетку Франческу порезало стеклом из-за того, что их машину обстреляли, она два месяца ходила с забинтованной головой и пряталась на кухне, чтобы не портить интерьер. В этом, конечно, были и свои плюсы – она обнаружила, что кухарка ворует продукты и продает их бакалейщику через дорогу. Так что, твоя ситуация мне представляется вполне сносной, дорогая.

– Да, ты умеешь расставить все по местам, ничего не скажешь!

– Не благодари. О, Линда, привет! Что там у тебя?

Луиза посмотрела на свернутое полотно в руках девушки.

– Ты нам покажешь?

– Да, конечно. Это портрет человека, который был очень важен для Грегора. Я думаю, это может помочь в расследовании.

Она развернула рулон и положила картину на столик. Женщины склонились над абстракцией. Первой подала голос Луиза.

– Ну что, дорогая, ты все ещё недовольна своим Джонни?

Лаура смотрела на изображение так, словно это была большая куча дымящихся отбросов.

– Кто этот человек? Это его ищет Джонни?

Линда пожала плечами.

– Я не знаю. Но он был очень важен для Грегора, от него зависела жизнь проповедника. Может, он был его начальником?

Луиза фыркнула.

– Скорее, хозяином. Он похож на рабовладельца или охранника тюрьмы строгого режима. Дам вам совет, девочки. Если вы его увидите, или сразу бегите, или разрядите ему в грудь револьвер. Только не надо с ним разговаривать.

Она сделала брезгливый жест, и Линда свернула картину. Лаура взяла ее за руку.

– У тебя удивительный талант. Мы тут уже много чего видели, но твои картины – это просто непостижимо. Тебе непременно нужно выставиться.

– А мне непременно нужно перекусить.

Джонни заглянул в дверь, протиснулся к холодильнику и начал вытаскивать из него сэндвичи.

– Линда, эту картину нужно повесить в холле, чтобы каждый сотрудник мог ее изучить. Боюсь, этот тип не заставит себя ждать. Но теперь, благодаря тебе, мы знаем, что он из себя представляет. Дорогая, ты не могла бы...

Он внезапно замолчал и повернулся к Лауре.

– О, моя радость! Прости меня. Эта твёрдая вода совершенно свела меня с ума, – Гиффет подошел к ней, сгреб в охапку и поцеловал. – Все. Сегодня больше никаких экспериментов, обещаю.

В этот момент снаружи раздались вопли и стрекот Джозефа. Громче всех орал Ричи.

– Джонни, Джонни, скорее! Вода стала резиновая! Смотрите, смотрите, она тянется!

Гиффет сделал порывистое движение, но одернул себя и уселся на стул. Лаура улыбнулась.

– Иди. Они без тебя все сломают.

Джонни ослепительно улыбнулся, ещё раз поцеловал ее и выбежал в дверь.

Они бились над устройством ещё четыре дня. Гиффет привёз с Луны Немина, и друзья, уже впятером, занимались настройкой. Джозеф знал о природе воды очень много – его генетический банк данных был практически неисчерпаем. Однако, как сделать воду твёрдой, он не знал. Компаньоны добились непродолжительного изменения текучести жидкости, помещая её в высокочастотное электромагнитное поле, предварительно обработав жестким гамма-излучением. Вода приобретала свойства битума, но через пару минут возвращалась в прежнее состояние. С помощью Джозефа Джонни создал алгоритм управления электромагнитным полем, который заставлял молекулы воды, обладающие ассиметричным зарядом, выстраиваться нужным образом в момент кристаллизации. Они пробовали разные комбинации, помещая бутылки с дистиллятом в зону действия излучателя. Одни начинали ярко светиться, другие ненадолго намагничивались, одна даже взорвалась, заполнив паром всю лабораторию. Гиффет написал очередной программный код управления, но проверять его друзья не стали – Джонни объявил, что больше не может видеть этот аппарат, и ему нужен отдых. После чего забрал Лауру и Ричи с Джозефом, посадил их в челнок и улетел в неизвестном направлении.

Каротти тоже нужно было побыть с семьей, так что в лаборатории остался один Немин. Он стоял, задумчиво глядя на аппарат, и никак не мог оторваться от размышлений. Григорий знал себя достаточно хорошо, чтобы не пытаться переключить свой мозг на другие задачи – он был ученым, и ему было просто необходимо разобраться с загадкой. Тем более, что ответ был уже совсем близко – он это чувствовал.

Немин потратил много времени на изучение направленного электромагнитного поля, когда исследовал феномен рядом с селом Алтан, недалеко от границы России и Монголии. Он уже собрал и испытал фокусирующий блок, позволяющий воздействовать на воду с довольно большого расстояния, и теперь размышлял о точке замерзания жидкости: ее температура должна была увеличиться в момент кристаллизации, при нуле градусов Цельсия, так Джонни понял свою Кло'Анди. Григорий покрутил в руках бутылку с дистиллятом.

– Мы все строим вокруг этого утверждения. Но вещество замерзает тогда, когда начинается кристаллизация, не раньше и не позже. Мы собираемся изменить последовательность соединения молекул, создать устойчивую молекулярную структуру воды, а значит – изменить и ее свойства. Следовательно, затвердевание должно зависеть не от температуры жидкости, а от мощности излучения – чем вода горячее, тем больше энергии нужно, чтобы её частицы собрались в неподвижную структуру.

Немин покивал сам себе и снова задумался.

За эти дни ему уже бесчисленное количество раз звонили девушки из отдела маркетинга. Не то, чтобы у Немина были с ними какие-то совместные проекты. Все началось с Кейт Левински; она была очень симпатичная и вся прямо светилась. Григорий был джентельменом, свободным от обязательств, и считал, что отказывать в такой ситуации женщине очень неприлично. Потом была Симона, подруга Кейтлин. Они работали в одном отделе, который сформировал лично Каротти, после успешного внедрения в рынок установок бесконтактного бурения. Кейтлин тогда, сама того не желая, создала страшный ажиотаж вокруг последней разработки КарГи Констракшн, и ей поручили вести все стартапы², что Левински с успехом удавалось.

Кейт была девушкой широких взглядов, и это касалось, в том числе, отношений с мужчинами. Сам Немин до сих пор не мог понять, как же так получилось – он встречался и с Симоной, и с Кейт, причём иногда одновременно, а теперь появилась ещё Моника, и его с ней тоже познакомили девушки из отдела маркетинга.

Его частые и довольно продолжительные исчезновения, необходимые для развития лунной базы, только подливали масла в огонь, вместо того, чтобы хоть немного остудить их отно-

² **Стартап** (от англ. *startup company*, *startup*, букв. «стартующий») – компания с короткой историей [операционной деятельности](#)[1]. Термин впервые использован в журнале [Forbes](#) в августе 1973 года и [Business Week](#) в сентябре 1977 года. (прим. ред.)

шения. Григорий даже немного их побаивался, хотя, что уж там скрывать, отказать девушкам не мог – во-первых, это было бы просто глупо, и, во-вторых, он был все еще свободен от обязательств (как ни странно), а джентльмен в такой ситуации не имеет права отказать женщине.

Он оторвался от раздумий и решил налить себе чашку кофе. Телефон зазвонил как раз, когда Немин проходил мимо. Он снял трубку – конечно, это Кейтлин. Неудивительно, ведь он не выходит из лаборатории четвертый день.

– Кейт? Рад тебя слышать. Я тут совсем за...

– Гриша! Гриша, как хорошо, что ты здесь!

– Что случилось, дорогая?

– Гриша, в холле террорист-смертник, и у него заложники!

– Что?! Террорист? В холле? У нас в холле?!

– Гриша, он требует мистера Гиффета! У него пояс с динамитом, и у него наша Симона!

Она ходила курить на стоянку! Я ей говорила, что это дурная привычка. Гриша, что нам делать?

– Кейт, а ты сама где?

– Я наверху, у себя в кабинете. Там директор Петрака, он с ним пытается договориться.

Гриша, где мистер Гиффет?

– Его нет. Нам придётся разбираться без него.

Немин включил мониторы системы безопасности и вывел на экран изображение холла главного здания комплекса. Это было большое помещение со стеклянной лестницей в центре. Ступени вели на второй и третий этажи. Как раз под ней, на возвышении, где был установлен фонтан, стоял террорист. Это было видно сразу – его пиджак был распахнут, на животе закреплён пояс с большими карманами. Из него торчали провода. В вытянутой руке мужчина что-то сжимал. Он разговаривал с кем-то наверху – Григорий переключил камеры и увидел директора Петrarку, который, свесившись через стеклянные перила, что-то кричал вниз.

– Кейт, что хочет этот человек?

– Он требует Джонни Гиффета и грозит всех взорвать, если мы его не приведём.

– Понятно. Вы уже вызвали полицию?

– Да, конечно. Сюда уже едет мистер Каротти. Он сказал, что свяжется с ФБР.

– Мария Нельсон. Это хорошо.

Немин снова переключил камеру. В холле было ещё человек двадцать – одна группа людей находилась на полу в углу, ещё несколько оставались в гостевой зоне – им повезло больше, они сидели на диванах.

– Кейт, он никого не убил?

– Нет, он оглушил охранника, но тот уже пришёл в себя.

Немин потёр подбородок и нахмурился.

– Как же сейчас нужен Джонни! Ладно, я пока остаюсь в лаборатории – звони мне, если будут изменения.

Он выключил мониторы, повернулся к аппарату и сильно нахмурил густые брови.

– Что ты задумал?

– Я пока и сам не знаю. Перезвоню, как буду знать.

И Немин положил трубку.

Очень удачно вышло, что они взяли с собой Джозефа.

Семейство Гиффетов проводило свой небольшой отпуск в долине гейзеров Ваймангу в Новой Зеландии. Здесь все было покрыто зеленью, буйная растительность не отваживалась селиться только в зоне вулканической активности – там было слишком жарко. Джозефу здесь очень нравилось – огромные наплывы минеральных солей, выделяемые горячими источни-

ками, были для него своего рода сладостями. Каменное существо забиралось в обжигающую воду природных ванн, образованных подземными фонтанами, и надолго исчезало на дне.

Ричи исследовал скалистые склоны в поисках птичьих яиц – местные пернатые их не высиживали, температура земли была достаточной для развития зародыша. Гнёзда тут и там попадались по всей территории долины. Джонни делал Лауре грязевые маски, грелся на солнышке и ни о чем не думал. На большое дерево, которое росло отдельно от остальных, слетелась стая страшно шумных птичек, и манипулятор наблюдал за ними, блаженно улыбаясь. Он заметил, что если перестать сосредотачивать сознание на мыслях одного из членов стаи, можно услышать, как думает все сообщество. Это было очень интересно – птички изучали желания и потребности друг друга, демонстрируя их с помощью едва уловимых движений, высказывали своё отношение громкими криками, таким образом, постепенно принимая решение о дальнейших действиях. Когда достигался всеобщий консенсус, стая снималась и перелетала на другое место.

«Вот где настоящая демократия!» – подумал Джонни. Он скосил глаза и заметил, что к нему приближается неразлучная парочка – Ричи уже невозможно было представить без Джозефа, и наоборот.

– Джонни! Джозеф хочет домой.

– Домой? А у него там что, дела? Он забыл выключить кран, или может быть, ему пора побриться?

– Джонни, он беспокоится. Нет, я не так говорю... – мальчик задумался. – Он чувствует, что дома хотят..., нет, что дома все очень сильно ждут, когда мы вернёмся. Только ещё сильнее, я не знаю, как это сказать, Джонни.

Но Гиффет уже подключился к сознанию Ричарда, и почувствовал песню пришельца. Джозеф словно слышал далекий сигнал SOS, прерываемый радиопомехами, но продолжающийся, несмотря ни на что. Каким образом пришелец это делал, было не понятно, да и не важно. Джонни вскочил и побежал за Лаурой – её ещё предстояло отмыть от темно-коричневой грязи, которой она старательно мазалась последние сорок минут – чистыми оставались только глаза.

Здание было полностью оцеплено.

Террорист держал полицию за горло, не позволяя вести переговоры. Бронированные стекла, которые установил Стюарт, теперь играли в пользу противника. Снайпера работать не могли, внезапно захватить помещение было нельзя – все двери были прозрачными, приблизиться незаметно было невозможно.

На месте работала группа захвата и ФБР – мисс Нельсон приехала через сорок минут после звонка Каротти, который тоже был здесь. Мария говорила с директором Петракой по телефону – через него происходило общение с террористом.

– Господин Петрака, что он вам ответил?

– Я прошу прощения, мисс Нельсон. Он не хочет никого отпускать. Ему нужен Джонни. Никаких переговоров.

– Как он настроен?

– Мне сверху не очень хорошо видно, но боюсь, что он держится отлично. Он гораздо спокойнее всех в этом здании.

– Что он сейчас делает?

– Стоит посреди холла на постаменте фонтана. В руке держит коробку. Я так понимаю, что это кнопка для подрыва взрывчатки.

– Опишите его подробнее.

– Он смуглый, чёрные волосы, на вид лет тридцать пять – сорок, спокойный, эмоций не демонстрирует, действует последовательно, одет в деловой костюм, волосы уложены. Отсюда не очень видно, но думаю, туфли у него не дешёвые.

– Говорит с акцентом?

– Да, немного. Я не разбираюсь в таких вещах, мисс Нельсон. Думаю, он араб или, может, бербер.

– Перемещается по помещению?

– Он стоит, почти не двигаясь, все это время. Я бы на его месте и двух минут не продержался. Он явно знает, что делает.

– У него есть огнестрельное оружие?

– Он его не доставал, это все, что я могу сказать. Вот насчет бомбы у него на поясе – могу подтвердить. Она точно у него есть.

– Спасибо, господин Петрака.

Мария отключилась. Рядом стоял Томас Каротти – он с тревогой вслушивался в разговор все это время.

– Мисс Нельсон, что теперь?

– Пока ничего. Будем ждать, когда он начнёт переговоры. Мы уже все оцепили, группа захвата наготове. Как только будет возможность, мы начнём действовать.

– Как долго он ещё так простоит?

– Я не хочу делать прогнозов. Наша задача – держать руку на пульсе и не упустить момент. А пока можете заняться поисками вашего компаньона – его присутствие очень нам поможет.

– Мария, я не понимаю. Как вы намерены использовать Джонни? Этот психопат явно ждёт его, чтобы все взорвать, вам так не кажется?

– Может быть. А может быть, он хочет ему что-то сказать? Мы не знаем наверняка.

Каротти пожал плечами. Он уже тысячу раз звонил Гиффету, но тот удрал на край света и трубку не брал. Томаса не слишком волновали намерения смертника относительно его компаньона, поскольку было совершенно очевидно, что Гиффет не станет с ним разговаривать. Ему достаточно будет просто приблизиться к террористу метров на сто, и тот сам снимет с себя пояс, свяжет себе руки и сдастся полиции.

Вот только Джонни рядом не было, а в здании находилось более сорока человек, половина из которых сейчас сидела на полу в холле, испуганно прижимаясь друг к другу и в любой момент ожидая взрыва.

Мария пока держала прессу в неведении, но это было ненадолго – Томас прекрасно понимал, что через час или полтора тут будет сумасшедший дом. Он решил немного прогуляться. Каротти завернул за угол и не спеша двинулся по пешеходной дорожке, поглядывая по сторонам. За ним следовал один из офицеров группы захвата – так распорядилась Мария Нельсон.

Периметр был полностью оцеплен. На крышах залег спецназ с винтовками, вокруг главного здания стояли полицейские машины. Каротти прошёл ещё немного и увидел крышу подземного ангара, на которой стоял полицейский вертолёт. Это было не слишком удивительно, ведь крыша была замаскирована под вертолетную площадку.

– Просто великолепно. – Томас развернулся и поспешил назад. Нужно было попросить Марию убрать вертушку с крыши, чтобы Джонни мог незаметно приземлиться.

Когда он вернулся к командному пункту, то увидел Гиффета, окруженного толпой полицейских. Он с трудом протиснулся вперёд.

– Джонни! Как же ты вовремя!

– Привет, Том, – и Гиффет вернулся к разговору с Марией.

– Нельсон, говорю вам, я ничем не смогу тут помочь. Этот смертник – не обычный террорист. Он один из тех, чьи трупы вы видели во вратах – он Чистый. Он сделает то, что ему

велели, несмотря ни на что. И мне совершенно очевидно, что как только я туда войду – мы все погибнем.

Мария кивнула.

– Я вам верю, Гиффет. Пока вы ещё ни разу не ошибались. Но, может, вы попробуете его... ну, то есть... с ним... договориться?

– Мария, я понимаю, о чем вы говорите, но нет. С этими ребятами у меня «договориться» не выходит. Нам нужно придумать другой способ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.